

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2014

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА	
А. А. Костин. «Веселый час». К вопросу о переводах в ранней поэзии Лермонтова . . .	6
Ю. М. Прозоров. «Юнкерские» поэмы Лермонтова. Комментарии и параллели . . .	13
В. А. Котельников. Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма . . .	28
А. С. Бодрова. К истории посмертных изданий Лермонтова: словесность, коммерция и институт авторского права в начале 1840-х годов	41
Н. С. Беляев. Суд над лермонтоведом: трагические страницы в творческой биографии Б. М. Эйхенбаума	66
Г. В. Бахарева, Н. С. Джурицкий. Основные проблемы отечественного лермонтоведения: библиографический обзор	74
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Л. Л. Ивашёва. Агиографические народные легенды Нижней Волги: отрок схимонах Боголеп	84
А. К. Федотова. Пейзаж в русской элегии XVIII века	105
Н. Г. Михновец. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского в современных зарубежных исследованиях	118
А. Б. Стрельникова. В поисках оригинальной стихотворной формы: поэтические переводы Федора Сологуба	129
В. В. Филичева. Неизвестный автограф Н. С. Гумилева: об одном неосуществленном замысле	135
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной)	142
А. М. Грачева. Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук	185
О. А. Богданова. А. Г. Достоевская и В. Л. Комарович. Диалог 1917 года	196
«Не поспособствуете ли советом?»: письма Г. В. Адамовича, Н. А. Оцуца, А. М. Ремизова из архива Б. Ф. Шлёцера (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. В. Ефимова и О. А. Коростелева)	200

В. М. Захарова. К проблеме периодизации стиха Осипа Мандельштама	212
А. И. Разувалова. «Труха и опилки так называемой культуры»: зло и насилие в рефлексии В. П. Астафьева	220

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

К. Ю. Лаппо-Данилевский. Воплощения Диониса	230
Д. С. Савченко. Русская научная фантастика: предвосхищающая модернизацию	235
Р. Ю. Данилевский. Становление ученого (материалы из архива В. М. Жирмунского)	237
Н. В. Семенова. Живые голоса забытых пьес	238

ХРОНИКА

Н. М. Сегал-Рудник, А. Ю. Соловьев. К 100-летию со дня рождения Ильи Захаровича Сермана	242
А. Ю. Веселова. К 275-летию А. Т. Болотова: конференция в Москве и круглый стол в Богородицке	253
С. А. Семячко. Второй агиографический семинар	256
С. А. Кибальник. Международная научная конференция «Проблемы изучения творчества Гайто Газданова» (К 110-летию со дня рождения писателя)	259
Е. Е. Соловьева. Конференция памяти Р. М. Лазарчук.	261

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

А. А. Карпов. О научной новизне и научной корректности (по поводу статьи Е. Э. Ляминской «К интерпретации „Подражаний древним” К. Н. Батюшкова»)	265
Памяти Роберта Белнапа	270
Памяти Галины Яковлевны Галаган	271

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА* (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Телефон/факс (812) 328-16-01

e-mail: rusliter@mail.ru

священы поэзии — одно роли поэта в мире, другое направленности песен поэта, лирического героя Гумилева. О том же свидетельствует появление таких названий как «Средо», «Песнь Заратустры». В ПК тема поэзии, с одной стороны, ретуширована (исключена из названий стихотворений), но с другой, может быть, более отчетливо выражена в содержании.

Обнаруженный автограф Гумилева: и стихи, и план сборника — подверглись впоследствии значительной правке, что становится документальным свидетельством процесса работы автора не только над первой книгой, но и над собственным мировоззрением.

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО: 1908 ГОД

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ)

В рукописи Ремизова «На вечерней заре»,¹ гипотетически задуманной как автобиографический роман в письмах к жене, текст главы, посвященной обстоятельствам творческой и бытовой жизни писателя в 1908 году, представлен авторской переработкой девятнадцати писем к Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло. Исходя из географии эпистолярных документов, Ремизов выделил три подраздела — «Петербург» как основное место жительства, и два локуса своего временного пребывания: «Киев» (остановка на пути из Берестовца в Москву) и «Москва» (город детства и юности), где он, по сложившейся традиции, останавливался перед возвращением в Петербург. Интродукции, предвещающие каждый раздел, построены по принципу плана-конспекта: назывные предложения являются здесь тематическим обозначением важных сюжетных линий, образующих событийную канву автобиографии писателя. В основном это названия произведений, имена литераторов, адреса проживания. Целью наших предисловий к публикации глав ремизовского «романа в письмах» является развернутый комментарий к каждой обозначенной писателем позиции (далее они выделены в тексте жирным шрифтом), а также раскрытие локальных сюжетов его творческой биографии. Такой подход позволяет до известной степени реконструировать замысел Ремизова — представить личные письма к жене в контексте конкретных литературно-бытовых событий.

На начальной стадии работы над рукописью Ремизов уделял основное внимание редактированию оригинальных писем, сохранивших достоверную картину его «трудов и дней», явно оставляя экспликацию интродукций для следующего этапа создания своего автобиографического произведения. Отчасти по этой причине составленный им абрис литературно-бытового контекста 1908 года содержит ряд неточностей, особенно в отношении смены петербургских адресов и датировок поездок. К ним относится прежде всего упоминание о квартире Ремизовых на **Кавалер-**

¹ Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д' Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1985. № IV. С. 149—190; 1987. № VI. С. 237—310; 1990. № IX. С. 443—498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Русская литература*. 2014. № 1. С. 149—178. Далее ссылки на последнюю публикацию даются сокращенно: На вечерней заре 1907, с указанием страницы.

гардской, 8, в которой, на самом деле, супруги проживали до конца мая 1907 года,² а затем в начале июня отправились в Берестовец навестить дочь Наташу. По возвращении они еще пытались найти более удобное прибежище, чем арендованная перед отъездом комната на **Загородном проспекте** (д. 21, кв. 19), где все лето хранились их вещи. Однако с 28 августа Ремизовым все-таки пришлось провести почти месяц в крайне стесненных условиях,³ откуда 22 сентября им не удалось переехать на Фонтанку, в **Малый Казачий переулок** (д. 9, кв. 34).⁴ Новая квартира состояла из трех комнат с окнами во двор и располагалась на пятом этаже. Соответственно, упомянутое в интродукции к «киевской» части главы событие, приписанное 1908 году («От Пундика вещи свезли на Загородный и поехали в Берестовец»), является чистой аберрацией памяти.

К хронологическим ошибкам писателя также следует отнести упоминание о перенесенном им **воспалении легких**, на самом деле случившемся в начале 1909 года, как и неточное воспроизведение фамилии лечащего доктора: **Чинакиев** — вместо Чигаев.⁵ Правда, осенью 1908 года Ремизов, действительно, постоянно испытывал недомогание, скорее, вызванное рецидивами язвы желудка, тоже диагностированной годом позднее.⁶ Хронологической неточностью является и немотивированное упоминание (в интродукции к письму, написанному из Киева) о премьерном спектакле первого драматического произведения писателя «**Бесовское действие** над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью» в Театре В. Ф. Коммиссаржевской. Это волнующее событие произошло, напротив, раньше — 4 декабря 1907 года.⁷ Пьеса, написанная в духе балаганного народного театра, действительно, как отметил Ремизов в своей интродукции, имела «скандальный» успех. Спустя месяц, в письме к Д. В. Философому, он пояснял: «„Бесовское действие“ мое освистала публика и рассердилась очень».⁸ В 1908 году состоялась публикация текста пьесы на страницах третьей книги петербургского альманаха «Факелы».

В интродукции к «петербургской» части Ремизов осознанно, или ввиду «рабочего» характера рукописи «На вечерней заре»,⁹ допустил также существенное редуцирование литературных событий, произошедших в 1908 году. Прежде всего фигурой умолчания здесь оказался замещен получивший значительный общественный резонанс факт выхода в свет миниатюрной книжки «Что есть табак. Гоносиева повесть». Другая лакуна связана с публикацией поэмы «Иуда», увидевшей свет также в 1908 году. Рассматривая публикуемый текст как подготовитель-

² Подробнее об этом см.: На вечерней заре 1907. С. 152—153.

³ Сведения почерпнуты из записей Ремизова, фиксирующих его адреса и маршруты поездок за 1905—1911 годы (РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 10).

⁴ Сохранилось «Домашнее условие» аренды квартиры № 34 по Казачьему переулку, д. 9, заключенное между Ремизовым и домовладельцем на срок с 22 сентября 1908 года по 22 сентября 1909 года (РНБ. Ф. 634. № 2. Л. 15—22).

⁵ Ср. воспоминания Ремизова 1922 года: «Наступил 1909 г. и все кувырнулось. Простудился — воспаление легких. (Лечил Н. Ф. Чигаев)» (Ремизов А. Кукха. Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 89 (сер. «Литературные памятники»)).

⁶ Ср., например, письмо М. А. Кузмину от 16 октября 1908 года: «...до сих пор пуховый платок ношу на животе...» (РНБ. Ф. 124. № 3617. Л. 15).

⁷ Подробнее о постановке пьесы см.: Ремизов А. Бесовское действие. Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пб.: Издание Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Репертуар. Русский театр. 1919. № 1; здесь писатель опубликовал афишу 1907 года, а также «Краткое изложение для руководства зрителя по причинам могущим возникнуть независимо от автора неясности» (с. 44). См. также: Дубужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 276—277; Дубнова Е. Я. А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1992. М., 1993. М., 1993. С. 89—95.

⁸ Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 388.

⁹ Описание рукописи см.: На вечерней заре 1907. С. 149—152.

ный материал для будущего романа Ремизова о самом себе, далее в нашем обзоре настоящей главы мы восстановим некоторые пропуски в хронологической канве года, взаимосвязанные с теми, что были обозначены писателем в интродукциях. Это дополнение с нашей стороны позволит получить более полное представление о стратегии, избранной Ремизовым для создания собственной литературной автобиографии, которая в конечном счете оказалась отражена в рукописи «На вечерней заре».

* * *

Для Ремизова первые два года, проведенные в Малом Казачьем переулке, ретроспективно ассоциировались с писательским успехом: «В Казачьем переулке, — писал он в 1922 году, — (...) начало в делах моих книжных было как будто ладно».¹⁰ Книги, изданные в это время, принесли ему известность не только в широких читательских кругах, но и существенно подняли авторитет в среде художественно-литературной элиты. Все они были написаны в допетербургский период жизни — в годы политической ссылки (1901—1903) и во время короткого пребывания в Киеве в 1904 году. Роман «Пруд» (вторая редакция) вышел в свет под обложкой в оформлении М. В. Добужинского¹¹ на последней неделе ноября 1907 года, хотя на титуле значился 1908 год.

Издание книги, в сущности, являлось актом дружеского расположения к писателю компании выпускников Императорского училища правоведения, избравших сферой своей деятельности историю искусства и коллекционирование. В 1905 году они открыли в Петербурге типографию «Сириус».¹² В парижском архиве писателя¹³ сохранилась запись, комментирующая обстоятельства рождения книги: «Пруд. Роман. Обложка М. В. Добужинского. Изд(ательство) Сириус. СПб. 1908 [напис(ан) 1902—1903]. II редакция. Издатели: я назвал их „кавалергардами“, правоведы — Сергей Николаевич Тройницкий,¹⁴ Михаил Николаевич Бурнашев¹⁵ и Александр Александрович Трубников.¹⁶ Собирались у Тройницкого или у

¹⁰ Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 89.

¹¹ Сохранилось письмо Ремизова к художнику от 12 мая 1907 года, касающееся оформления книги: «Дорогой Мстислав Валерианович! Если у Вас есть время, зайдите ко мне в понедельник 14 мая часа в 3—4. Напишу сейчас Тройницкому. Вы сойдитесь для переговоров об обложке к „Пруду“. Если же в понедельник Вам нельзя, то назначьте ближайший день, а часы оставьте» (ГРМ. Ф. 115. № 256. Л. 8).

¹² Ср. характеристику организаторов типографии «Сириус»: «„Сириус“ — это компания. Их было трое, но один из них ушел (А. А. Бурнашев). Все они правоведы или кавалергарды, а один (А. А. Трубников) даже камер-юнкер и радует меня мундиром, в котором все собирается пожаловать ко мне (в) Казачий; теперешний глава — С. Н. Тройницкий (внук декабриста Якушкина) недавно женился и большой любитель старины. Все они ровесники мне и ничего не издают, один единств(енный) „Пруд“, да и то без гонорара, а имеют свою типографию, в которой печатают „Старые годы“ и многие другие книги, которыми заведует их управляющий. Одеваются они очень хорошо и говорят на всех языках» (Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Филофова. С. 387).

¹³ Собрание семьи Резниковых (Париж); в 2013 году передано в Государственный литературный музей (Москва).

¹⁴ Тройницкий Сергей Николаевич (1882—1948) — сын сенатора, действительного тайного советника Николая Александровича Тройницкого и Анастасии Евгеньевны, урожденной Якушкиной; один из основателей журнала «Старые годы» (1907—1916); в 1908 году состоял на службе в Императорском Эрмитаже (Отдел средних веков и эпохи Возрождения); в 1918 году был назначен первым директором Эрмитажа. См. о нем: Федорова В. Сергей Николаевич Тройницкий и типография «Сириус» // *Studies in modern Russian and polish culture and bibliography. Essays in honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, 1999. P. 273—279 (Stanford Slavic Studies. Vol. 20). В этой статье имеются неточности относительно данных об Н. А. Тройницком.

¹⁵ Бурнашев Михаил Николаевич (1882—1928) — литератор, в 1907—1908 годах режиссер-постановщик и администратор «Старинного театра» в Петербурге.

¹⁶ Трубников Александр Александрович (1882—1966) — искусствовед, писатель, коллекционер; вместе с Тройницким организовал журнал «Старые годы», сотрудник журнала «Аполлон»; в 1908 году — главный хранитель Эрмитажа и императорских дворцов.

их приятеля Сергея Константиновича Маковского;¹⁷ часто бывал Николай Николаевич Врангель.¹⁸ А издать было трудно. Я писал Горькому: приютить в „Знании”, отказал. По письму В. В. Розанова обращался к Пирожкову;¹⁹ долго валялась моя рукопись (исправленные отписки из «Вопросов Жизни»²⁰ и вернулись с отказом). И вот „кавалергарды” — для меня было совсем неожиданно.²¹ В 1907—1908 годах организаторы типографии были постоянными гостями Ремизова как на Кавалергардской, так и в Казачьем переулке.²²

Другим литературным фактом, свидетельствующим об укреплении содружества Ремизова с «кавалергардами», и прежде всего с С. Н. Тройницким, оказалось издание тиражом 25 именных экземпляров книги «Что есть Табак. Гоносиева повесть» (в формате 15 см), с рисунками К. А. Сомова. Сюжет, связанный с этим библиографическим раритетом, является недостающим звеном цепи в творческой биографии писателя, которую он схематически отобразил в настоящей главе. Апокриф о происхождении табака в творческом арсенале Ремизова появился как опыт подражания народным сказкам и легендам эротического содержания, которые в его пересказе имели большой успех среди писателей и художников, собиравшихся на Кавалергардской. С изысканным стилистическим мастерством Ремизову удалось объединить жанр народных сказаний «о происхождении табака» с повестью из быта монашеской братии, приправленной элементами народной эротики в духе «заветных сказов», известных по собранию А. Н. Афанасьева.²³

Книга была отпечатана в типографии «Сириус» и сопровождалась пояснением: «Повесть сию написал на Святках А. Ремизов, рисунки делал К. Сомов, напечатал двадцать пять именных экземпляров С. Н. Тройницкий». И хотя «Табак» не предназначался для продажи, известие об этом издании получило не только устное хождение, но и было достаточно широко освещено в книжных анонсах периодической печати и ряде весьма лестных рецензий, способствовавших литературной известности Ремизова.²⁴ Особый «pointe» этому событию придал семейный скандал,

¹⁷ С. К. Маковский был одним из немногих ценителей ремизовского «Пруда». Ср. его письмо Ремизову с упоминанием издательства «Содружество», организованного им в 1905 году совместно с А. В. Румановым, Н. К. Рерихом и другими: «Относительно Вашего предложения напечатать „Пруд” под фирмой „Содружества”, к сожалению, ничего не могу сказать Вам, кроме того, что я лично, принадлежу к числу искренних поклонников Вашего творчества, считал бы в высшей степени приобретением для издательства выпуск Вашей книги. Но в настоящее время я ничего не знаю ни о средствах „Содружества”, ни о дальнейших планах его членов. Что же касается значения „Пруда” для „большой публики”, то я с Вами не согласен. „Пруд”, конечно, не для „большой публики”, и в этом его великое достоинство, особенно в нынешнее варварское время...» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 1635).

¹⁸ Врангель Николай Николаевич, барон (1880—1915) — искусствовед; с 1906 года сотрудник Императорского Эрмитажа, постоянный автор журнала «Старые годы», редактор журнала «Аполлон».

¹⁹ Эмоциональная реакция Розанова на категорический отказ М. В. Пирожкова опубликовать роман «Пруд» запечатлелась в его письме к Ремизову, помещенном последним в книге «Кукха» (см.: Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 52; см. также авторский комментарий на с. 416 и оригинал письма на с. 175).

²⁰ Первая редакция романа была опубликована в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 4/5—11).

²¹ Ремизов А. М. Книга записей, касающихся изданий собственных книг (Собрание семьи Резниковых (Париж); Государственный литературный музей (Москва)). См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 1: Пруд. С. 526 (комм. А. А. Данилевского).

²² Ср. запись в дневнике М. А. Кузмина от 17 января 1907 года: «У Ремизовых были обещанные правоведы, или „мальчишки”, как кто-то их называет» (Кузмин М. Дневник 1905—1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 309). См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 171, 228.

²³ Подробнее об источниках «Гоносиевой повести» см.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 213—232.

²⁴ Обзор анонсов и рецензий см.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2: Докука и балагурье. С. 677—683 (комм. И. Ф. Даниловой).

разразившийся в доме Тройницких. Как вспоминал Ремизов, до отца С. Н. Тройницкого — сенатора Н. А. Тройницкого — «дошел слух: кто-то из высоких особ видел, а может только слышал, что в Петербурге появилась книга, издателем которой значится его имя, а книга такая — по двум статьям: „за кощунство и порнографию“. А сенатор ничего не знает, только догадывается. Очень взволнован, вызвал сына для объяснения. И прежде всего потребовал книжку. И убедился, что издана Тройницким, а ведь он тоже Тройницкий! А когда прочитал книжку, вынес свое сенаторское решение: все двадцать пять экземпляров отобрать и сжечь. (...) Много стоило труда убедить сенатора в бесполезности сжигать. В конце концов согласился, но с условием: Тройницкий должен всех обойти „именных“ и собственноручно бритвой выскоблить на последней странице „Тройницкого“. С. Н. Тройницкий исполнил сенатский указ, но ходить с бритвой постеснялся, он был уверен, что каждый из нас исполнит его просьбу и имя Тройницкого испарится».²⁵

По-видимому, для того, чтобы погасить скандал, поставивший книгу под угрозу цензурного восприятия, и вместе с тем не ущемить права счастливых обладателей такой библиографической редкости, как «Гоносиева повесть», было принято соломоново решение. Договорились между собой допечатать взамен «крамольного» пояснения к книге другую страницу — с текстом в новой редакции (без упоминания «сенаторской» фамилии). Этот нюанс проясняет сохранившаяся переписка Ремизова, из которой следует, что писатель взял на себя часть обязательств перед своим потерпевшимся от отца товарищем. В частности, он разослал владельцам именных экземпляров «Табака» письма примерно такого же содержания, какое он отправил 28 марта 1908 года поэту Волошину: «Дорогой Максимилиан Александрович! В виду некоторых возникших недоразумений покорнейшая просьба: в конце табака *<sic!>* ножом острым счистите фамилию издателя, это пока, а затем я доставлю вам страницу, в которой все как следует, а эту страницу уничтожим. В воскресенье, если все будет разрешено цензором, увижу вас в Городской Думе».²⁶ Курьезный инцидент был исчерпан, однако издание «Табака» с тех пор осталось в истории своего времени одним из признанных литературных шедевров. Логику писателя, по которой он вывел название этого издания за рамки своей литературной биографии 1908 года в интродукции публикуемой ниже главы, восстановить, пожалуй, не удастся, поскольку рукопись «На вечерней заре» сохранилась только в черновом, подготовительном варианте. Однако можно предположить, что Ремизов не упоминает о «Табаке», так как двумя годами ранее, в 1946-м, он написал подробную историю «О происхождении моей книги о табаке».²⁷ Возможно, этот сюжет показался ему излишним в новом романе. Кроме того, издание «Табака» в биографии писателя было омрачено обстоятельствами угрозы цензурного преследования, а эта тема, актуальная и для романа «Часы», и для состоявшейся в том же году первой публикации поэмы «Иуда», оказалась в интродукции полностью дезавуирована.

Поэма «Иуда», написанная в 1903 году, тематически имела непосредственное отношение к пьесе Ремизова «Трагедия о Иуде, принце Искаротском».²⁸ Оба про-

²⁵ Цит. по: Ремизов А. М. Весеннее порошье / Сост., предисловие и комм. Е. Р. Обатниной. М., 2000. С. 422.

²⁶ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 8. Волошин стал обладателем именованного экземпляра книги с инскриптом Ремизова, датированным 11 марта 1908 года; ныне хранится в Доме-музее М. Волошина (Коктебель). См.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Волошин и Ремизов // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 137 (прим. 14).

²⁷ Ремизов А. О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак / Предисловие Г. Чижова-Холмского. Paris, 1983.

²⁸ «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» была помещена в «Золотом руне» в 1909 году с приложением апокрифа «Сказание о Иуде Предателе» (№ 11/12. С. 15—50). В других прижизненных изданиях пьеса публиковалась с приложением поэмы «Иуда». См.: Ремизов А. 1) Собр. соч. СПб., 1912. Т. 8; 2) Трагедия о Иуде, принце икаротском. Пб.; М., 1919 (издание Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению).

изведения являлись результатом последовательного продвижения писателя в разработке апокрифических интерпретаций евангельской истории, но именно генезис этих текстов и создавал определенные осложнения при их публикации. В силу существенных расхождений с каноническим образом Иуды-предателя эти произведения попадали под запрет церковной цензуры в соответствии с 75-й статьей Уголовного уложения, преследующей преступные действия, связанные со «святотатством» и прочими искажениями принятых христианских догм и канонов. Несмотря на возможные цензурные разбирательства, поэма без осложнений была опубликована в 1908 году, и даже дважды: в альманахе «Воздетые руки. Книга поэзии и философии» (М.: Орифламма, 1908. С. 6—21) и в составе авторского сборника Ремизова «Чертов лог и Полуночное солнце». Тем не менее опасения цензурного преследования, высказанные еще в 1904 году В. Я. Брюсовым, который именно по этой причине отклонил поэму для альманаха «Северные цветы ассирийские»,²⁹ оказались зафиксированными в инскрипте Ремизова на подаренном М. А. Волошину сборнике «Воздетые руки» с указанием на 75-ю статью Уголовного кодекса.³⁰ Как видим, писательский успех Ремизова в 1908 году со всей очевидностью имел скандальный оттенок.

Все элементы интродукций в главе, посвященной 1908 году, представляют собой «знаковые события» личной биографии писателя. Обратимся к позициям, следующим за указанием на роман «Пруд»:

Часы, Eos, СПб. 1908.
Полуночное солнце. Eos, СПб. 1908
Чортов Лог

Только на первый взгляд удача всецело сопутствовала Ремизову и с выходом книг в издательстве «EOS», созданном для удовлетворения литературных амбиций жены владельца — предпринимателя Н. Л. Саксаганского. Благодаря хитроумной тактике поэта А. С. Рославлева,³¹ в «EOS'e» вышли сразу две книги Ремизова: в начале апреля роман «Часы»³² и в последнюю декаду декабря сборник под составным названием «Чертов лог и Полуночное солнце. Рассказы и поэмы».³³

Рукопись сборника была принята к изданию летом 1907 года, что оказалось как нельзя более кстати для решения насущной на тот момент проблемы, связанной со стесненными жилищными условиями Ремизовых. Об обстоятельствах этого эпизода своей петербургской жизни писатель вспоминал в 1923 году, в инскрипте Серафиме Павловне: «Чортов лог и полуночное солнце! Помню, как жили на Загородном в комнате и вот с Рославлевым понес вас к Саксаганскому. Аванс и дал возможность переехать в Казачий переулок. Помню, в комнате тяжело было особенно в праздник, — когда к хозяевам приходили гости. Как в темнице сидели. Ты, дочка, тогда все плакала».³⁴

²⁹ Подробнее об этом см.: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и комм. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 187—188.

³⁰ Этот экземпляр сборника хранится в библиотеке поэта в Доме-музее М. Волошина (Коктебель). Дарственная надпись опубли.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов. С. 138.

³¹ Подробнее об этом см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 213—215 (глава «Моя библиография»).

³² Историю создания и публикации романа см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачущая канава. С. 464—472 (комм. И. Ф. Даниловой).

³³ Историю создания и публикации сборника см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3: Оказион. С. 592—606 (комм. Е. Р. Обатниной).

³⁴ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 62 (автограф на обороте шмуцтитугла сборника).

Далеко не всё прошло гладко с публикацией романа «Часы». Пожалуй, самое мрачное из произведений писателя было в своем роде продолжением прозы (роман «Пруд», ранние рассказы), в которой отчетливо проявился его талант исследователя экзистенциальных глубин сознания «человека из подполья». Отчасти эта тема, связанная для Ремизова с опытом революционной деятельности, тюремных заключений и жизни под надзором полиции в северных областях России, сказалась на том факте, что первая редакция романа, выпущенная издательством «EOS», сопровождалась посвящением: «Борису С.». Незадолго до выхода книги из печати он написал о своем намерении Б. В. Савинкову — товарищу по вологодской ссылке, с которым с того же времени (1901—1902) была лично знакома и Серафима Павловна: «Вы меня простите за мое самовольное посвящение Вам „Часов“, которые скоро выйдут и будут у Вас. Надписываю имя Ваше и инициал фамилии, как Вы сами подписываетесь».³⁵ Сильная натура, человек, не знающий сомнений, подчинивший все свое существо подпольной работе, Савинков оказал парадоксальное влияние на мировоззрение Ремизова, который не вдохновлялся, а, скорее, отталкивался от «сверхчеловеческого» идеала, воплощенного в этом революционере.³⁶ Историю отношений с ним писатель впоследствии воспринимал как необходимую школу утверждения собственного императива. По-видимому, выход в свет романа «Часы» Ремизов считал подходящим случаем для выражения благодарности человеку, с которым однажды ему пришлось помериться силой воли и выстоять под психологическим прессингом, испытанным им самим и Серафимой Павловной в сложный момент выбора между революционным подпольем и жизнью вне политики.³⁷ Отзвуки этой истории, судя по письму Ремизова от 27—28 августа 1908 года, в котором он уговаривает Серафиму Павловну не реагировать на пустые расспросы старых знакомых по ссылке, касающиеся их семейной жизни, — еще долго преследовали супругов.

В самом начале апреля, когда проблемы с «Гоносиевой повестью» кое-как были улажены, сомнительная слава все-таки накрыла Ремизова. Выход в свет «Часов» получил самый неожиданный оборот. Писатель, продолжавший традицию Достоевского, известный сказочник и стилист, получивший всеобщее признание после издания «Посолоня», «Лимонаря» и повести «Что есть табак», он оказался зачисленным в разряд писателей-порнографов. Едва роман «Часы» появился на книжном рынке, как тут же был запрещен цензурой. Причину ареста книги Ремизов вкратце изложил М. А. Волошину в письме от 3 апреля (по старому стилю): «О „Часах“ пока нет известий, конфисковывают (sic!) в магазинах. Если они у Вас имеются, то см(отрите) 61 ст(раницу,) только и есть единственное место, к которому могут придаться».³⁸ В связи с этими событиями 9 (22) апреля было отправлено и письмо Савинкову, в котором попутно упоминалась ситуация, сложившаяся вокруг апокрифа о табаке: «С „Табакком“ тоже история случилась и пришлось его приостановить, как выражался когда-то Варяг».³⁹ „Часы“ конфискованы, но статья 128 снята и поставлена 1001, усмотрено скотоложество и какой-то редкий вид изнасилования — описание. Но, на самом деле, все это невинно и палата, должно

³⁵ ЦГАОР. Ф. 583. Оп. 1. № 171. Л. 8.

³⁶ См. очерк Ремизова «Савинков — Le tueur de lions» (1932), включенный впоследствии в книгу «Иверень» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 498—511).

³⁷ Подробнее об этом см. вступ. статью к публикации: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 124—126.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 1020. Л. 9. На указанной странице «Часов» (изд. «EOS») находим натуралистическое описание собачонки, изуродованной под колесами трамвая, хотя роман содержит и более подхлотившие под цензурное восприятие фрагменты. Подробнее об этом см.: Цехновицер О. В. Символизм и царская цензура // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1941. Вып. 11. № 76. С. 314—315.

³⁹ Предположительно П. Е. Щеголев.

быть, снимет арест».⁴⁰ В начале июня цензурное преследование было прекращено, при этом текст не претерпел ни малейших изменений. Впоследствии Ремизов назвал историю цензурного запрета «Часов» начальным этапом «пробивания» «в люди», подразумевая свое приобщение к миру профессиональных литераторов.⁴¹ Эти слова писателя можно распространить практически на все его произведения 1908 года, поскольку так или иначе они оказались в поле внимания цензоров.⁴² Характерно, что сами скандальные сюжеты остались за рамками автобиографической прозы Ремизова, созданной во второй половине 1940—1950-х годах.⁴³ Но тогда, в 1908 году, двойное обвинение в порнографии, связанное с «Табакком» и с «Часами», заставило Ремизова призадуматься о своем писательском реноме. Очевидно, мысли по этому поводу (наверняка в шуточной форме) он изложил ближайшему другу Л. И. Шестову. В конце года Шестов отреагировал так же полушутя: «Что ты хочешь оберечься от репутации порнографа — вполне одобряю. Если бы лет двадцать тому назад человеку создали такую репутацию — куда ни шло. А сейчас, когда все этими делами занимаются, как-то естественно даже стать педантом и пуританином».⁴⁴ Как никто другой из друзей писателя, Шестов прекрасно понимал, что названные им поведенческие модусы были определено тесноваты для ремизовского таланта. И действительно, новые произведения Ремизова (рассказ «Царевна Мымра», «Трагедия о Иуде, принце Искарриотском», а также миниатюры в жанре «снов», впервые появившиеся в печати в том же году), конечно, не имели ничего общего с тем, что принято называть «извращениями», но, несомненно, являлись собой «отклонение» от принятых художественных форм.

Хронологию своих путешествий Ремизов расписывал в ежегодных тетрадях-итинерариях. Сохранившиеся записи 1908 года не содержат пояснений, были ли эти поездки совместными с женой, или писатель совершил их в одиночку. Ответить на этот вопрос можно только благодаря его письмам к Серафиме Павловне, свидетельствующим о разлуке. Так, без сомнения, с 28 июля по 9 августа супруги Ремизовы вместе находились на Украине, в селе Берестовец, где под опекой родственников жила их дочь Наташа. В следующих августовских перемещениях, очевидно, Серафима Павловна сопровождала мужа. Согласно ремизовскому дневнику путешествий, 10 августа они приехали в Чернигов, 11-е и 12-е провели в Киеве, с 12 по 16 августа гостили в деревне Злодиевка, откуда 17-го вновь вернулись в Киев.⁴⁵ Здесь их пути разошлись: Ремизов купил билет на поезд в Москву, а Серафима Павловна — в Херсонскую губернию, на станцию Малая Маячка, недалеко от которой располагалось имение графа Н. С. Мордвинова — **Чернянка**, теперь, благодаря бурной деятельности «отца российского футуризма» Давида Бурлюка, более известное как «очаг» авангардисткой культуры, захвативший впоследствии Киев, Петербург и Москву.

Серафиму Павловну пригласила погостить ее близкая подруга — Людмила Давидовна Бурлюк, старшая из сестер в многочисленной семье, с молодыми представителями которой (тремя братьями и тремя сестрами) Ремизовы познакомились в

⁴⁰ ЦГАОР. Ф. 583. Оп. 1. № 171. Л. 8. О цензурном аресте «Часов» см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. С. 468—469.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 61; автограф на обороте форзаца издания романа.

⁴² Сказанное относится и к постановке пьесы «Трагедия о Иуде...», одной из причин изъятия которой из репертуарного плана театра Коммиссаржевской была ее апокрифическая основа (см. об этом: Розанов Ю. В. Драматургия А. Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX в. Вологда, 1994 (<http://www.booksite.ru>; глава «Иуда Искарриот и Георгий Храбрый»).

⁴³ Исключение представляет лишь книга 1946 года «О происхождении моей книги Что есть табак», предназначенная для узкого круга читателей. Однако описанная в ней история запрета сенатором Тройницким носила, скорее, комический характер.

⁴⁴ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 182.

⁴⁵ РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 11.

Херсоне, когда с ноября 1903 по февраль 1904 года снимали комнаты в доме родителей Бурлюков.⁴⁶ Людмила, как и ее ближайшие родственники (мать и два брата), увлеченно занималась живописью и в 1904—1907 годах была студенткой Императорской Академии художеств. По воспоминаниям Бенедикта Лившица, соратника футуристов Давида, Владимира и Николая Бурлюков, «братья гордились ею, хотя еще больше ее наружностью — особенно тем, что на каком-то конкурсе телосложения в Петербурге она получила первый приз».⁴⁷ Именно Людмила однажды произвела неизгладимое впечатление на В. В. Розанова, заставшего ее в гостях у Ремизовых в Малом Казачьем переулке. Глубочайшее смятение чувств философа отразилось в адресованном Ремизову 25 октября 1907 года письме, да еще в его наивном рисунке под названием «Точное изображение барышни». Публикуя этот «человеческий документ» и описывая связанный с ним эпизод в книге «Кукха. Розановы письма», Ремизов не назвал имени Л. Д. Бурлюк, подчеркнув только, что случайное свидание с философом не отозвалось в сердце двадцатилетней девушки решительно никакими душевными потрясениями: «А барышня и не застрелилась и не утопилась. Барышня вскоре вышла замуж. И жила с мужем хорошо и ладно».⁴⁸ Избранником Людмилы стал скульптор Василий Кузнецов.⁴⁹ В конце лета 1908 года Людмила Бурлюк готовилась к рождению первого ребенка.⁵⁰ Для нее Чернянка была родным домом, где собиралась вся семья, так как отец служил управляющим огромного графского хозяйства. Побывавший в этих местах три года спустя Лившиц оставил колоритные описания быта и жизни в поместье: «Огромное имение в несколько десятков тысяч десятин простиралось во все стороны от барской усадьбы. (...) Чернянка лежала довольно близко от моря, между тем как на север, на восток и на запад можно было идти целые сутки и не добравшись до границы мордвиновских владений. (...) Все принимало в Чернянке гомерические размеры. Количество комнат, предназначенных неизвестно для кого и для чего; количество прислуги (...); количество пищи, поглощаемой за столом...»⁵¹ Отправляясь в Чернянку, Серафима Павловна намеревалась поддержать и развлечь подругу, да и самой ей хотелось отдохнуть на гилейских просторах вблизи Черного моря.

В конце лета 1908 года Ремизов провел в Москве две недели. Каждый его приезд в родной город был эмоционально окрашен сложным сплетением переживаний. С одной стороны, его переполняли самые благодарные воспоминания о детстве, проведенном во флигеле старой красильни на Земляном валу, несмотря на строгий, если не сказать жесткий нрав старшего брата матери, главы семейства Н. А. Найденова — известного банкира, мецената, председателя Московской торговой биржи. С другой, в нем год от года крепились мысли о собственной судьбе изгнанника, от которого после его ареста отвернулась вся состоятельная московская родня. Тяжелыми были и посещения престарелой большой матери, а общение с братьями — Николаем, Виктором и Сергеем — с течением времени осложнялось ввиду необычности жизненного пути, избранного Алексеем. Братья с разным карьерным успехом, но пошли по коммерческой, «найденской» линии, он же оставался нищим, бес-

⁴⁶ См.: Бурлюк Д. Воспоминания отца русского футуризма / Публ. Е. Чижова [О. Л. Лейкинд] и Д. Ксенина [Д. Я. Северюхина] // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 5. С. 22.

⁴⁷ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Воспоминания / Подг. текста, послесловие и прим. А. Парниса. М., 1991. С. 38.

⁴⁸ Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 66; см. также наш комментарий на с. 440—441.

⁴⁹ Кузнецов Василий Васильевич (1881—1923) — выпускник Академии художеств, скульптор, мастер монументально-декоративной скульптуры.

⁵⁰ Впоследствии Л. Д. Бурлюк стала матерью четырех сыновей. Подробнее об обстоятельствах жизни семьи Бурлюк и Кузнецова, в том числе после Октябрьской революции, см.: Карпова Е. В. Петербургский скульптор В. В. Кузнецов. Материалы к творческой биографии // Невский архив. СПб., 2006. Вып. 7. С. 547—567.

⁵¹ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С. 36—37.

приютным и, на взгляд родственников, укреплявших купеческую родословную, просто непутевым отщепенцем. После ссылки Ремизов не стремился вернуться в Москву, связывая надежды на литературную карьеру с Петербургом и отчетливо понимая, что в северной столице его никогда не согреет чувство защищенности родными стенами. Еще в преддверии новой жизни, готовясь к переезду из Киева в Петербург в 1904 году, он писал Серафиме Павловне: «Мечтаю о Петербурге. Там я не буду „на родине“, а буду у „чужих“, т. е. и сам буду другим. Хожу своим шагом и говорю „акая“ только в Москве». ⁵² В некотором смысле он сам отчуждался от Москвы и как будто даже радовался возникновению в своем сознании мотивов, противопоставляющих Петербург всему московскому. В письме, написанном в ночь на 24 августа, Ремизов в очередной раз с упорством утверждал, скорее, убеждая самого себя, чем делаясь мыслями с женой, что его удел «чужого» на родине — лучший из возможных вариантов личной свободы: «Нет, я бы в Москве никогда не стал бы жить, только инкогнито». В рукописи главы «На вечерней заре» эта мысль получила более распространенную экспликацию: «Нет, я бы в Москве не мог жить, завязнешь, (...) хорошо еще, что судьбой развязался и живу безотчетно, как чужой, а то б из-под земли достали...» В нынешний приезд ему даже показалось особенно разительным отличие двух столиц по типажам литературных критиков. Так, сравнивая петербуржцев с А. А. Бурнакиным, известным своей скандальной репутацией, он резюмировал: «...все-таки в Петербурге таких экземпляров не водится». Заметим, что ретроспективный взгляд писателя позволил ему развить эту тему, прозвучавшую в письме 1908 года, в новой редакции: «...скажу, таких „экземпляров“ в Петербурге не водится — и слава Богу, довольно с нас Пильских, Чуковских, Манычей, а перед Бурнакиным всякий из них ангел Господен».

Как свидетельствуют письма к жене, Ремизов работал над текстами своих произведений мучительно, создавая по несколько черновых редакций, а учитывая, что сочинительство было единственным источником существования для молодой семьи, мысли о литературной славе практически не касались его сознания, уступая место единственной цели — получить аванс от редакторов повременных изданий. Перед отъездом в Берестовец последние денежные сбережения ушли на годовую аренду квартиры в Малом Казачьем переулке; жить в Петербурге было решительно не на что. По намеченному плану из Москвы Ремизов должен был вернуться, по крайней мере, с авансом за рассказ «Царевна Мымра», предназначенный для журнала «Русская мысль». Программа максимум виделась ему тогда сложнее: пристроить в печать новую пьесу «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» в «Золотое руно» и попытать удачу с переговорами о ее постановке в Художественном театре. Для этого писатель готовился к «аудиенции» с одним из руководителей театра — В. И. Немировичем-Данченко.

Два новых произведения (рассказ и пьеса) были написаны вчерне. Сутками работая, Ремизов заново переписывал страницу за страницей, проверяя на слух каждое свое слово. Нужно было поторапливаться, чтобы уложиться в короткий срок, пока брат Сергей предоставил ему возможность пожить на даче в Петровском парке. По содержанию эти произведения совершенно разнятся, но для Ремизова они были связаны с именем близкого товарища, ставшего главным «действующим лицом» его творческой биографии 1908 года, — **Аркадия Павловича Зонова**. ⁵³

Ретроспективный взгляд на творчество Ремизова показывает, что нередко люди из его окружения становились прототипами произведений писателя. Так слу-

⁵² На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. № VI. С. 271.

⁵³ Подробнее о нем и его взаимоотношениях с писателем см.: *Дворникова Л. Я.* Алексей Ремизов и Аркадий Зонов // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы* / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 327—366 (*Europa Orientalis*. № 4).

чилось и с актером, режиссером А. П. Зоновым, характер которого запечатлелся в рассказе «Царевна Мымра» сразу в двух образах — во второстепенном персонаже, поименованном «дядя Аркадий», и в маленьком главном герое, целомудренное детское сознание которого представлено здесь в столкновении с греховностью и грубой сексуальностью мира взрослых.⁵⁴ Скрытый эротический подтекст рассказа⁵⁵ был навеян образом влюбчивого Зонова, соединявшего в себе особые свойства маскулинности и детскую наивность. Дополнительные штрихи к портрету своего товарища Ремизов внес много лет спустя, обратившись к одному из эпизодов петербургской жизни, связанному с В. В. Розановым, в книге «Кукха».⁵⁶ Идиллическое описание вотяцкой деревни Ключи в «Царевне Мымре» также явно восходило к недавним впечатлениям писателя о предпринятой в июне 1908 года поездке на родину Зонова, в село Караул Глазовского уезда Вятской губернии, где они с Серафимой Павловной отдыхали с 20 июня по 9 июля.⁵⁷

В истории создания другого произведения — пьесы «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» — Зонов сыграл совершенно иную роль. Незадолго до приезда в Москву, во время остановки в Киеве, Ремизов отправил товарищу рукопись своего нового драматического произведения в расчете на профессиональную помощь человека, хорошо знавшего законы и чувствовавшего природу театрального искусства. Кроме того, наверняка, он хотел проверить, как отнесется Зонов к его фантастическому герою, воплощавшему безудержную сексуальность.⁵⁸ Впоследствии Обезьяний царь Асыка Первый стал ключевой фигурой основного мифологического конструкта писателя, получившего название «Обезьянья Великая и Вольная Палата» или «Обезвеллопал».

По удачному совпадению в конце августа Зонов оказался в Москве с приехавшим на гастроли театром Коммиссаржевской как ведущий режиссер репертуарных спектаклей. Ремизов с нетерпением ожидал этой встречи, чтобы обсудить сцены и диалоги, по поводу которых его товарищ за несколько недель до того, по прочтении пьесы, высказал ряд замечаний в одном из ответных писем. Все его указания писатель принял и тщательно переработал текст, но вместе с тем догадался, что его экзотический герой несомненно произвел благоприятное впечатление на режиссера. В том «критическом» отзыве Зонов явно старался подтолкнуть приятеля к более свободной форме выражения своего творческого потенциала, очевидно, уже строя конкретные планы будущей постановки: «...пьесу прочел и не удовлетворен. Никому не показывал в театре. Думаю, что надо что-то добавлять. Очень схематично. В первом акте хотелось бы и у Иуды более резкого очертания, нельзя ли на борьбе братьев вышить узоры. Дорисовать Ункураду. В общем хотелось бы, чтобы из пьесы вышел целый вечер. Наверное явится еще. Хорошо бы ее приготовить к приезду из Москвы. А нельзя показать еще больше обезьяньего царя? Фантазия Ваша известна, а хотелось бы. Хорошо бы и Марии прибавить. Ну, да Вам все виднее».⁵⁹ Встреча состоялась и оказалась крайне продуктивной для подготовки будущей театральной постановки пьесы. Тем более что Зонов успел провести предвари-

⁵⁴ По предположению Л. Я. Дворниковой, в основу сюжета «Царевны Мымры» мог быть положен реальный эпизод из детства А. П. Зонова (Там же. С. 352).

⁵⁵ Подробнее об этом см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3: Оказион. С. 655 (комм. Е. Р. Обатиной).

⁵⁶ Ср. комментарий Ремизова к тексту документального письма Розанова, содержащего рассуждения о физическом «совершенстве»: «„Владеющий и достигший отпущенного человека“ — Аркадий Павлович Зонов» (Ремизов А. Кукха. Ремизовы письма. С. 408).

⁵⁷ Запись об этой поездке см. в итинерарии Ремизова за 1908 год (РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 11).

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 162—192.

⁵⁹ РНБ. Ф. 634. № 113. Л. 50. Предположительно письмо относится к началу августа 1908 года; частично процитировано в статье Дворниковой «Алексей Ремизов и Аркадий Зонов» (с. 345, прим. 51).

тельные переговоры с В. Ф. Коммиссаржевской, видя именно в ней исполнительницу главной роли Ункарады. Еще до встречи в Москве он отметил в письме к Ремизову: «Пьесы ждут с большим нетерпением».⁶⁰

Одним из первых литераторов, посвященных Ремизовым в планы, касающиеся этой работы, стал М. А. Волошин, творческие интересы которого также лежали в области художественной интерпретации апокрифов о Иуде-предателе.⁶¹ Письмо Ремизова, направленное в Париж 8 (21) сентября, содержало отчет о результатах летнего труда: «Дорогой Максимилиан Александрович! Дайте с духом собраться. Только вчера переписал „Трагедию об Иуде принце Искарриотском“. Сейчас жду решения от Коммиссаржевской. В случае благоприятного результата, попрошу сделать на машинке экземпляр и пошлю Вам».⁶² Спустя полтора месяца в письме от 26 октября (8 ноября) Ремизов уведомлял: «Завтра посылаю вам заказной банд(еролью) „Трагедию о Иуде принца Искарриотского“ <sic!>, в рукопись вкладываю листки апокрифа. Напишите мне ваши суждения. Если по душе придется, может быть дадите заметку в „Русь“ или „З(олотое) Р(уно)»».⁶³ В октябрьском номере «Золотого руна» в разделе «Вести отовсюду» среди девятнадцати неавторизованных заметок был напечатан краткий обзор, выдающий в авторе специалиста по истории вопроса о традиции интерпретаций образа Иуды, а также его знание особенностей содержательной коллизии поэмы Ремизова «Иуда». Здесь, в частности, сообщалось: «Тема, затронутая Л. Андреевым в рассказе „Иуда Искарриот и другие“»⁶⁴ продолжает интересовать русских писателей. Кроме традиционного Иуды канонических евангелий, в учениях еретиков первых времен христианства — оифитов, канинитов и некоторых других — сохранился образ иного Иуды, самого посвященного из учеников Христа, Иуды, сознательно берущего на себя грех и позор предательства, дабы жертва искупления могла совершиться. Подобный взгляд на Иуду нашел А. Ремизов в одном из древнерусских апокрифов. Этот апокриф лег в основу его новой пьесы „Трагедия о Иуде, принце Искарриотском“. Место действия — сказочный остров Искарриот и Иерусалим „Голубиной Книги“. Иуда является вождем Иисуса Христа, и сознательным предательством открывает Христу путь к крестным страстям. К пьесе М. Кузминым написан „Обезьяний марш“, так как в ней сохранен сказочный элемент апокрифа и наряду с другими в ней говорится об „обезьяньем“ царе — друге Пилата, о чудесной яблоне с золотыми яблоками. Макс. Волошин написал рассказ „Иуда Искарриот“».⁶⁵

В дружеском кругу Ремизова именно с 1908 года постепенно устанавливается мифологическая атрибутика Обезьяньей Великой и Вольной Палаты: почитатели «Табака» и завсегдатаи святочных вечеров у Ремизова (прежде всего А. Бенуа, К. Сомов, М. Добужинский, Л. Бакст, М. Кузмин), теперь именуются «старейшинами», что впоследствии в обезьяньей «табели о рангах» было преобразовано в звание «старейший князь» Обезвелволпала. В первой декаде октября 1908 года, казалось, судьба нового драматического произведения Ремизова была решена. В своем письме В. Нувелю, Ремизов, отказываясь от назначенной встречи, кратко обрисовал состояние дел:

⁶⁰ РНБ. Ф. 634. № 113. Л. 52 (письмо от 25 августа 1908 года).

⁶¹ См. об этом: *Иезуитова Л. А.* Три Иуды в русской литературе Серебряного века // *Иезуитова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избр. труды.* СПб., 2010. С. 431—447.

⁶² ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 15. См. также ответное письмо Волошина: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2010. Т. 9: Письма 1903—1912 / Под общей ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. С. 370—371.

⁶³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 17. Фрагмент письма см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов. С. 101.

⁶⁴ См., в частности, статью Волошина «Некто в сером» (1907), посвященную повести Л. Андреева «Иуда Искарриот».

⁶⁵ Золотое руно. 1908. № 10. С. 75.

«Дорогой Вальтер Федорович!

Я очень плохо себя чувствовал все эти дни и боюсь выходить. Пережду день другой. Решите без меня. Поклонитесь от меня старейшинам и начинайте решать.

Увидите Мстислава (Добужинского. — Е. О.), передайте ему, что Принц искариотский принят, и чтобы он был наготове. На той неделе парадный сговор о постановке. Всего хорошего, не забывайте, приходите. Серафима Павловна вам кланяется. А. Ремизов».⁶⁶

В театре В. Ф. Коммиссаржевской пьесу утвердили к постановке в режиссуре А. П. Зонова, с декорациями и костюмами М. В. Добужинского и музыкой М. А. Кузмина, образ Ункрады взяла на себя В. Ф. Коммиссаржевская.⁶⁷

Опираясь на содержание интродукций из публикуемой ниже главы и личные письма Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло, необходимо восстановить еще один факт творческой биографии писателя, оказавшийся в «затекстовом» пространстве рукописи «На вечерней заре». Нетрудно заметить, что оригиналы писем Ремизова были насыщены описаниями подлинных сновидений, которые в редакции 1948 года получили новый формат репрезентации — посредством сдвига текста вправо, без абзацев. Точно также Ремизов впоследствии, в своей книге «Огонь вещей. Сны и предсонье» (1954), выделял описания сновидений в повествовательной ткани русской классической литературы — в произведениях Гоголя, Пушкина, Тургенева и Достоевского. Вербализация собственных сновидений стала, очевидно, с 1908 года ежедневной практикой писателя, в ходе которой вырабатывались приемы и особенности нового авторского жанра «снов», являвшегося выражением творчества подсознания.⁶⁸ Попутно заметим, что зафиксированные по памяти «ночные приключения», прежде, чем они оказывались в печати, Ремизов подвергал значительному редактированию, касающемуся не только построения фраз, но и содержания. Характерно, что и в рукописи «На вечерней заре» он не удержался от стилистической правки своих записей 1908 года.

Первые «сны» Ремизова увидели свет в составе цикла «Под кровом ночи» в мартовском номере журнала «Всемирная панорама» за 1908 год, а затем (в том же году) в мае — в журналах «Золотое руно» и «Весна».⁶⁹ В литературных кругах творческий эксперимент писателя был встречен прохладно, отчасти потому, что ему нередко снились друзья и знакомые, которые в текстах «снов» упоминались под начальными буквами настоящих фамилий. Так, например, в «сне», озаглавленном «Сфинкс»,⁷⁰ фигурировал Михаил Кузмин, образ которого сопровождался очевидными коннотациями гомосексуальной природы поэта, хотя читателям из дружеского круга не нужно было и заглавной буквы «К» для того, чтобы понять, о ком идет речь: «Ко мне пришел К., мой знакомый музыкант и сочинитель, уезжает он надолго, может быть, навсегда, пришел проститься. И я поцеловал его в макушку. А он обертывается ко мне и, притрагиваясь носом к моему носу, говорит: — Надо вот так, так целуются сфинксы. Я же подумал: „Ты-то, может быть, и сфинкс, а я всего только птица”».⁷¹

По приезде из Москвы Ремизов написал очередной цикл под названием «Бедовая доля. Ночные приключения»⁷² уже по заказу Д. С. Мережковского и З. Н. Гип-

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 784. Оп. 1. № 13. Л. 4.

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Дубнова Е. Я.* А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской. С. 95—104.

⁶⁸ Подробнее об этом см.: *Цивьян Т. В.* О ремизовской гипнологии и гипнографии // *Серебряный век в России.* М., 1993. С. 299—311; *Обатнина Е.* Алексей Ремизов. Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 170—186.

⁶⁹ О формировании циклов снов и истории их публикации см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 586—590 (комм. Е. Р. Обатниной).

⁷⁰ Золотое руно. 1908. № 5 (под номером 21).

⁷¹ Цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 449—450.

⁷² См.: *Русская мысль.* 1909. № 5. С. 9—23.

пиус, приглашенных в октябре 1908 года в журнал «Русская мысль» на должность редакторов Литературного отдела. Заинтересовавшись «снами» писателя после публикации в «Золотом руне», Гиппиус пыталась воздействовать «на подсознание» Ремизова и спрашивала: «Очаровательны ваши „Сны” в Зол(отом) Руне! Не видали ли еще каких, для нас?»⁷³ Нужно заметить, что апробация новых «снов» на чтениях в литературных домах Петербурга, в частности на Башне Вячеслава Иванова, вопреки ожиданиям самого автора, значительно сузила круг любителей изобретенного им жанра. Кузмин в ноябрьской записи своего дневника со слов Ремизова зафиксировал явный спад интереса к его «сновиденному» творчеству: «Днем были у Ремизова. Сплетничали об Ивановых etc (...). Иванов ругательски разбил „Сны”, и мало кто их защищал».⁷⁴

* * *

Петербургский хронотоп в публикуемой ниже главе соотнесен с письмом от 21 апреля. Особенность этого послания состоит в том, что оно представляет собой синтез эпистолярной и дневниковой формы. Этот текст как будто только внешне адресован жене, а, в сущности, содержит экзистенциальный самоанализ, сконцентрированный на осмыслении бытия с позиций художника, преобразующего реальность в литературное произведение. Сорок лет спустя, переписывая этот эпистолярный документ, Ремизов, очевидно, по-новому прочитал запечатленные в нем мысли в связи со своей работой над романом «В розовом блеске» (1952), посвященным жизненному пути Серафимы Павловны. Соответственно, фраза из оригинального письма, фиксирующая искреннюю сопричастность всему, что составляло для него безусловную духовную ценность («а теперь твою складываю»), в 1948 году не была изменена в части содержания, но получила более глубокое наполнение, обусловленное тем скорбным обстоятельством, что к тому времени писатель уже пять лет, как похоронил Серафиму Павловну: «...не знаю, как это случилось, появился этот ящик, куда складываю все свои чувства, а теперь и твою складываю — живу и твоей жизнью: в прошлом, настоящем и... будущем».

Эта практика переосмысления и дополнения текстов выдерживается и по отношению к некоторым именам, фактам и событиям, упоминающимся в оригинальных письмах 1908 года. Едва ли не в каждом из них, помимо прямых указаний писателя на инкорпорированный в изначальный текст комментарий или новый текстовый фрагмент при помощи квадратных скобок, обнаруживается и существенная стилистическая правка, и даже содержательные изменения, улавливаемые при сличении рукописи и оригиналов. В частности, общая перестройка писем под задачи автобиографической прозы вынуждала Ремизова менять нарративные акценты, ставя свою собственную персону в центр повествования. Соответственно, если в оригинале письма от 19 августа речь шла об отъезде семьи брата Сергея с дачи в Петровском парке и вынужденном перемещении самого писателя, гостившего в его доме, в Москву и затем в Петербург («Тут в Петровск(ом) парке пробудут до 1 сентября»), то в тексте публикуемой главы осталось только выражение собственной воли («В Петровском парке пробуду до 1-го сентября»). Очевидно, что преобразование эпистолярного дискурса в повествовательный формат послужило мотивацией и для такой стилистической правки, как изъятие из текста писем нежных обраце-

⁷³ РНБ. Ф. 634. № 88. Л. 21 (письмо от 28 октября 1908 года).

⁷⁴ Кузмин М. Дневник 1908—1915 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 92. Ср. письмо Ремизова Иванову с просьбой: «Прошу разрешить мне прочитать Вам в среду „Бедовую долю” (Ночные приключения). Сегодня мне вернули мою рукопись на приеме у Мережковских, находя рассказы нехорошими» (Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. М. Ремизова — А. М. Грачевой, подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 96).

ний к жене («детонька», «детяточка»), написание полных имен и отчеств упоминаемых лиц (А. П. Зонов вместо Аркадий, Виктор вместо Викташа), а также незначительное смещение последовательности событий, позволяющее избежать повторов. В некоторых случаях наблюдается даже редуцирование содержательных высказываний изначального текста. Показательным примером подобной «автоцензуры» служит фрагмент, касающийся последствий дружеской встречи с А. П. Зоновым 31 августа («День прошел с пьянством, но все окончилось благополучно. Прибегал к платку и магземцевым (?) каплям»⁷⁵), который в рукописи главы приобрел более благообразное содержание («День начался не ладно, но окончился благополучно. Мучился с насморком, принимал и какие-то горькие капли»).

Кардинальным дополнением, привнесенным Ремизовым в 1948 году в текст оригинальных писем, стала музыкальная тема. Так, в письмо, датированное ночью с 23 на 24 августа, он добавил целый фоновый сюжет с «арфисткой», исполняющей известный романс «Ах, зачем эта ночь так была хороша...». Даже если не иметь перед глазами текста оригинала, образ «арфистки» мог бы вызвать впечатление выдуманного, напоминаящего приемы театральные постановки. Возможно, уличная певица с арфой (что само по себе странно), в тексте отмеченная кавычками («арфистка»), и появилась в памяти Ремизова из чеховских «Трех сестер», где в ходе четвертого действия в саду около дома появляются бродячие музыканты (скрипачи и арфистка). Эта сцена могла запомниться писателю по спектаклю, созданному антрепризой Вс. Э. Мейерхольда («Товарищество новой драмы») в театральном сезоне 1903/1904 годов (Херсон), когда они с женой работали в этой труппе, занимаясь переводами пьес и вопросами репертуара. Текст следующего письма (от 25/26 августа) Ремизов и вовсе наполняет авторефлексией, возникшей в результате ретроспективного взгляда на собственное творчество: «У меня все так — всегда пронизан песней. Ведь еще и в „Пруды“ сцена с матерью, когда она вешается, бормочет монах: „Ах, барыня-барыня, сударыня барыня“».

До сих пор мы рассматривали «скрытые» случаи изменения оригинального текста писем, вставки, инкорпорированные без какого-либо обозначения. Однако не все однозначно и с содержанием тех фрагментов, которые были специально «обнаружены» Ремизовым в редакции 1948 года посредством квадратных скобок. На первый взгляд, это необходимые небольшие уточнения имен, географических названий и прочие включения пояснительного характера. Но некоторые из них являются лишь своего рода надводной частью нарративного «айсберга». Нас же интересует латентное содержание этих авторских указаний. Очевидно, что корпус писем к жене был для писателя достоверным источником фактов, которые отбирались им в соответствии с личной стратегией для создания мифа о самом себе, т. е. литературной биографии, допускающей расхождение с объективной историей. В этой связи особый интерес представляет фрагмент оригинального письма от 23/24 августа, раскрывающий некоторые принципы мифосложения, применяемые Ремизовым к реальным событиям своей творческой биографии. Здесь коротко упоминается малопримечательный момент прошедшего дня: «Ляляшке передал твой красный подвесок, который дал Лундберг. Она очень довольна». В редакции 1948 года эта подробность уже вписана в авторский миф о происхождении Обезвельволпала, который впервые в сходном освещении прозвучал в книге «Кукха. Розановы письма» (1923): «Обезьянья палата возникла в 1908 году, когда я писал „Трагедию о Иуде принце искаротском“: обезьяний царь Асыка, действующий в трагедии, награждает обезьянними знаками. А сама мысль об обезьяньем знаке вышла из игры. Проездом в Петербург каждую осень останавливались в Москве. Из писателей в Москве об эту пору встретить кого было не так просто, все разъезжались по всяким

⁷⁵ Очевидно, лекарственный препарат из разряда алюминиево-магниевых антацидов, применяемых при лечении желудочно-кишечных заболеваний и отравлений. О применении пухового платка см. прим. 6.

Малаховкам. И я играл с своей маленькой племянницей Ляляшкой (Елена Сергеевна Ремизова). Надо было что-нибудь особенное придумывать. Она приставала ко мне сделать ей такое, чего ни у кого нет. Вот тут-то я и сделал ей обезьяний знак „для ношения тайно”. Этот знак она, конечно, потеряла, и на следующую осень пришлось новый делать, а для пушного бережения знак висел на стене на видном месте — и никто не мог догадаться, что это означает: висит, а не известно что, а Ляляшка помалкивает». ⁷⁶ Эпистолярный документ 1908 года с очевидностью показывает, что первый обезьяний знак, обладательницей которого стала Е. С. Ремизова, не имел ничего общего с графическими миниатюрами, создававшимися писателем для избранных членов Обезьяньей Палаты, начиная с 1916 года, на протяжении многих лет. ⁷⁷ В реальности это было кустарное украшение, преподнесенное ребенку в качестве таинственного амулета. Выдуманная история происхождения этой вещицы, возможно, уже тогда была приобщена к некоей сказке об обезьяньем царе, тем более что маленькая племянница, конечно, знала об обезьянке, экзотической питомице, содержавшейся в доме ее родного дяди — Виктора Ремизова.

Как и в случае с примечанием к имени племянницы Ляляшки, Ремизов принес комментарий к упомянутым фамилиям литераторов — И. А. Новикова и В. Ф. Ходасевича. Относительно Новикова он явно выразил сугубо личное мнение. Иначе обстоит дело с комментарием к имени Ходасевича, добавленным в письмо от 27—28 августа: «Ходосевич <sic!> — червевидный, добросовестный „поэт” без намёка на поэзию, но сам себя считает Баратынским». Несомненно, такая характеристика не могла относиться ко времени, когда, судя по завязавшейся в 1906 году переписке, между литераторами существовали вполне доброжелательные отношения. ⁷⁸ Нужно было пережить не один десяток лет и оказаться в эмигрантском Париже, чтобы возникло подобное мнение. По сути, реплика о Ходасевиче свидетельствует о реакции Ремизова на резкую статью поэта, направленную против журнала «Версты» и касающуюся его участия в этом издании. ⁷⁹ Глубочайшая обида поднималась в нем всякий раз, когда в 1948 году, в собственных письмах сорокалетней давности он находил имена теперешних писателей-эмигрантов, выразивших крайнюю нетерпимость к любому нарушителю единомыслия, особенно в вопросах, затрагивающих тему советской России. ⁸⁰

Что касается указанной ассоциации с Баратынским, то генезис поэзии Ходасевича, опиравшейся на эталон классика, стал очевидным уже во второй книге его стихов «Счастливый домик» (1914). Однако со временем, в эмигрантской критике второй половины 1920-х годов эта связь приобрела, скорее, негативную оценку. Источником характеристики, данной Ремизовым, мог стать язвительный вердикт Д. П. Святополка-Мирского в его статье, посвященной журналу «Современные записки» (кн. I—XXVI). «Ходасевич, — писал критик, восставший против ополчившейся на «Версты» группы писателей, — маленький Баратынский из Подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии». ⁸¹ Казалось бы, лестное сравнение

⁷⁶ Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 39.

⁷⁷ Об «обезьяньей» атрибутике, ее эстетике и символике см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. С. 126—136.

⁷⁸ См. письма В. Ф. Ходасевича Ремизову 1906—1909 годов (РНБ. Ф. 634. № 231).

⁷⁹ Ходасевич В. О «Верстах» // *Современные записки.* 1926. Кн. 29. С. 433—441. Об участии Ходасевича в кампании против «Верст» см. также вступительную статью Р. Хьюза к публикации: «...С Вами беда — не перевести». Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922—1929 / Публ. Р. Хьюза // *Диаспора: Новые материалы.* СПб., 2003. Вып. 5. С. 344—345.

⁸⁰ В свете сказанного см. также об отношении Ремизова к И. А. Бунину: На вечерней заре 1907. С. 159—160.

⁸¹ Версты. 1926. № 1. С. 208.

лирики Ходасевича с поэзией Баратынского двумя годами позже получило прямо противоположное значение в статье Г. Иванова «В защиту Ходасевича», в которой поэт был причислен к сонму эпигонов прославленного лирика. Ходасевич именовался здесь «прилежным учеником Баратынского», превосходно владеющим мастерством стихосложения, однако его собственное поэтическое дарование было недвусмысленно отнесено к разряду «второстепенных»: «Недостаточно ума, вкуса, умения, чтобы стихи стали той поэзией, которая хоть и расплывчата, но хорошо все-таки зовется поэзией „Божьей милостью“. Ну конечно, прежде всего, должны быть „хорошие ямбы“, как Рафаэль, прежде всего, должен уметь рисовать, чтобы „музыка“, которая есть у него в душе, могла воплотиться. Но одних ямбов мало. „Ямбами“ Ходасевич почти равен Баратынскому. Но ясно все-таки „стотысячеверстное“ расстояние между ними».⁸²

Заключительное письмо, повествующее о последнем дне писателя, проведенном в Москве в начале сентября 1908 года, содержит прекрасный образец ремизовского рассказа второй половины 1940-х годов. Сцена с обряжением в пальто с чужого плеча на московской Бирже написана в 1948 году. По своему ироническому заряду и мастерской стилистике она могла бы украсить автобиографическую прозу писателя, известную по главам, написанным для неопубликованной при его жизни книги «Петербургский буерак». Возможно, именно ввиду принадлежности к московскому хронотопу, этот эпизод так и остался на страницах незавершенной как целостное художественное произведение рукописи «На вечерне заре».

Примечательна и раскрытая Ремизовым в квадратных скобках история его живописного портрета «в пальто», выполненного И. К. Пархоменко. Писатель вносит в этот эпизод максимум самоиронии. Сравнение пальто, доставшегося по бедности от брата, с «багряницей» усиливает эффект комического образа «бессребренника» в респектабельном одеянии с чужого плеча и дополнительно образует корреляции с известным библейским сюжетом осмеяния Христа, в свою очередь, поддерживающим избранную Ремизовым в 1940-е годы стратегию самоидентификации как «не настоящего» писателя.⁸³ Упоминание в этом контексте В. В. Розанова, с которым якобы Пархоменко перепутал Ремизова, с одной стороны, аккумулирует все ту же тему «подлинного литератора и самозванца», а с другой, подразумевает отсылку к очерку философа «Галерея портретов русских писателей г. Пархоменко»,⁸⁴ где есть замечания по поводу некоторых живописных изображений современников, сделанные во время сеансов позирования в мастерской художника. В частности, Розанов со свойственной ему наблюдательностью подметил, что в портрете Ремизова «не передана, или мало передана, замечательная бледность лица, белизна кожи».⁸⁵ Однако и эта подробность оказывается в «скрытом» поле рукописи «На вечерней заре». На поверхности осталась только мистификация: Розанов вместо Ремизова в памяти живописца, написавшего портрет писателя в пальто.

⁸² Последние новости. 1928. 8 марта. № 2542. См. также: Богомолов Н. А. Георгий Иванов и Владислав Ходасевич // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. М., 1999. С. 376—391.

⁸³ Подробнее об этом см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 265—269 (глава «Писатель» в романе «Иверень»); Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста и сопроводит. статья А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 198—211 (глава «Образ Ремизова, им самим создаваемый»); Цивьян Т. Ремизов — своими и чужими глазами // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара / Ред. А. Данилевский и С. Доценко. Тарту, 1997. С. 99—118.

⁸⁴ Новое слово. 1910. № 5. С. 22—23.

⁸⁵ Там же. С. 23.

* * *

В публикуемой ниже главе, содержащей авторскую редакцию писем писателя к жене за 1908 год, сохранены особенности написания фамилий и отчеств: Таставен, Коммиссаржевский, Коммиссаржевская, Ходосевич, Смедович, Анатолий Андреич Бурнакин; название сборника «Чортов лог и Полуночное солнце», а также авторская пунктуация. В комментариях не поясняются лица, упомянутые в письмах 1907 года.⁸⁶

В Приложении представлены тексты оригинальных писем 1908 года также в авторской орфографии и пунктуации, с сохранением написания фамилий (Рюкерт, Дрилинг). В угловых скобках для удобства чтения при первом упоминании раскрыты фамилии и имена, о которых идет речь в письмах, за исключением неизвестных лиц (Данила, Н. Ф). Тексты печатаются по автографам из парижского архива писателя.⁸⁷

⁸⁶ См.: На вечерней заре 1907. С. 149—178.

⁸⁷ См. прим. 13.

ПЕТЕРБУРГ

1908

Кавалергардская, д(ом) Пундика.
Загородный прос(пект) (комната)
М(алый) Казачий пер(еулок)

Пруд. «Сириус». СПб. 1908

Часы, Eos, СПб. 1908

Полуночное солнце. Eos, СПб. 1908

Чортов Лог

(Грип(п)озное (sic!) воспаление легких. Доктор Чинакиев)

Петербург 1908

21 апреля

¼11-го

Тебе письмо пишу — письмо пишу, а сам думаю, а что думаю — не мыслями идет и даже не скажешь, чем.

Голову боюсь мыть: холодно; завтра истопить надо.

У меня не так, как у тебя: у меня все куда-то сложено — в ящик; в ящике и сохраняется. Да не спокойно в этом ящике, потому что заключенное в нем живет. И оттого, что живо, я с болью все чувствую: настоящее, прошедшее и... будущее. Но все заключено за тончайшими стенками, и для посторонних глаз не видно.

И уж никак не пень.

В детстве я был похож на тебя: и нетерпимый и неуспокоенный и был всем в глаза. А потом, не знаю, как это случилось, появился этот ящик, куда складываю все свои чувства, а теперь и твою складываю — живу и твоей жизнью: в прошлом, настоящем и... будущем.

Пить чай хочется.

½ 11-го

КИЕВ

1908

От Пундика вещи свезли на Загородный и поехали в Берестовец.
Из Берестовца в Киев, а из Киева я — в Москву, а С. П. — в Чернянку
[Новая Маячка] к Бурлюкам [имение Мордвинова].

Год 1908 — 4 декабря «Бесовское действие» — «скандальный» успех,
а с деньгами по-прежнему.

Киев 1908
17—18 августа

Представляешь себе, с каким трепетом я лег спать. Комната сразу показалась мне подозрительной и мой привычный глаз обнаружил: по стене ползет. Кое-что поймал, но справиться со всеми не было никакой возможности: под оборванными обоями застарелые гнезда. Если бы не утомление, не знаю, решился ли бы я лечь. Потушил свечу.

Во сне, запомнил, большая комната и мы втроем: ты, Лида [Лидия Павловна Довгелло].¹ Я говорю: «Я напишу подробное прошение государю, я уверен, Да-вида² выпустят из Петропавловской крепости, сидит он совсем неповинно». А Лида мне отвечает: «Да его давно выпустили и сидит он не в крепости, а на трубе». Я ничего не понимаю и просыпаюсь, будто на оклик Н. М. Ионова:³ он ползет по стене, почмокивая рыжими усами.

Жду Лундберга,⁴ чтобы скорее на вокзал.

Семья — 12 человек, выходить неудобно, терплю. [Ночь у Бронштейна (Владимирская, 18), приютившего меня; Евсей Исаакович Бронштейн почитатель Л. И. Шестова,⁵ так я и попал к нему].

МОСКВА

1908

«Царевна Мымра»

«Рус(ская) мысль» Айхенвальд.

З(олотое) Р(уно) — Таставен, Рябушинский,

Б. К. Зайцев, Виктор Стражев, И. А. Бунин,

И. А. Новиков, Ходосевич (sic!), Соколов [Гриф]

«Перевал»

«Трагедия о Иуде» — А. П. Зонов

Москва 1908
19 августа
Петровский парк⁶

Теперь ты, как и я, оба мы приехали — на месте. Переоделся, оставил корзину на Долгоруковской [квартира Сергея Ремизова]. А встретила меня у ворот нянька и все растолковала, как мне путь держать — «за тридевять земель».

Без приключений добрался я до Петровского парка, нашел дачу. А никого нет. В избушке на курьих ножках пусто.

Варвара Федоровна [Ремизова] с месяц, как уехала в Ефремово [Тульской губ.] [там жили ее родители] и вернется с Ляляшкой⁷ завтра. Нянька поставила самовар. Приму салол, очень растрясло.

Дорога прошла тихо. Мои соседи: старообрядческий священник, два куплети-ста о(т) «Омона»,⁸ гастролировали в Киеве в «Олимпии»,⁹ и два потрепанных «ин-

теллигента»; один сказал мне, что видел меня в Чернигове на съезде; я не отрицал, но и не спросил, на каком. Я хотел послушать, а не говорить. А теперь жалею: по ответу нашел бы себе профессиональное определение: учитель, агроном...?

Хлеба на дорогу так и не купил. Только крутые яйца. Боялся опоздать. Лунд(берг) зашел в $\frac{1}{4}$ 12-го, а поезд отходил без $\frac{1}{4}$ -и.

Не скучай и не беспокойся. Все обошлось.

После чаю примусь за рассказ.

10 ч(асов) вечера. Сергей на Долгоруковской ночует: завтра встретит Варв(а - ру) Фед(оровну) с Ляляшкой и привезет сюда.

На дачу он пришел только в 6-ть, принес всяких соблазнов: и виноград и смоквы. Но я без тебя боюсь прикасаться, после солола не жалуюсь. А очень хотелось попробовать. Плохо, что я не могу удержаться, ты знаешь, одну ягодку отщипну и, не замечу, как все подобрал. Смотрю на виноград лисой, а не смею.

Мало я чего сделал сегодня. Или это с дороги или на новом месте, или оттого, что не утряслось. Для меня чтобы писать, надо быть прежде всего свободным от «живота», а когда сжимает, начинаю думать, да не туда.

О днягах: Виктор¹⁰ обещал 90 руб., он заплатил 15 руб. Идину брату Павлуше¹¹ 15 руб. за медальон.¹² Сергей выслал 25 руб., прошу зимой прислать еще 25 руб. Разъясню, не стоит писать. Новостей никаких. Без Варвары Федоровны он проще и тише.

Завтра уговорюсь, чтобы мне не мешали писать. Напишу Зонову,¹³ печатать ли мне «Иуду» («Трагедию о Иуде») или придержать в его кармане. [Зонов, чтобы «поднять интерес к пьесе» носил ее у себя в *кармане* пять лет, пьеса поставлена была в 1915 году в Москве у Ф. Ф. Коммиссаржевского, а напечатана в «Золотом Руне» 1909 г.]¹⁴

В Москве дождик и холодно. Затопили печку. Будь спокойна. Теперь у меня на очереди: рассказ, медальон и одеж(д)а. В Петровском парке пробуду до 1-го сентября.

Москва 1908

20 августа

8 ч(асов) у(тра).

Начинаю второе утро. Первое в 5-ть. Оделся, выпил чаю. И лег, не раздеваясь. И во вторую мою ночь мне снились сны: сон за сном, как картинки.

Черная морда шерстяная с белыми клыками, высунулась, помоталась и пропала. Я наверху в нашей детской. Сергей показывает мне альбом с засушенными цветами. «Узнаю ли?» спрашивает меня. Я узнал и хочу сказать, что цветы с «Пруда», но кто-то отвечает за меня: «цветы от пруда». И я очутился в собачьей конурке, но не лаю, а кричу, слышу свой голос и не могу понять, как я попал в конурку и чего мне надо. Накричавшись, я попал в комнату. На столе собран обед: три прибора. Я задремал и вижу во сне, входят три жандарма. И сейчас же проснулся. И хотел обедать, но только что отломил хлеба, входят три жандарма. И я им говорю: «а я вас только что во сне видел». А они молча выпихивают, точно прятали еще какого-то, но этот не в форме, а в штатском, маленький, горбатый. Он садится против меня и, как я, отломил хлеб. Не знаю, что меня так возмутило, но я готов был ударить его, а он говорит: «постойте, ваши обвинительные пункты, — и читает по записке: — первое, вы переправлялись через реку на плоту, второе, вы объясняли естественное происхождение родителей». — «Я?» — прерываю. — «Да, вы, а записал священник». — «Какой священник? Не может быть». — «На съезде», — говорит горбатый. Я не знаю, что мне отвечать и слышу, как нянька моет пол, и невольно спохватываюсь, правда это или сон? А горбатый

установился на меня. И начинаю считать, сколько всего было снов. И говорю: «12-ь». И слышу, голос няньки: «В 12».¹⁵

Хоть бы поскорее вернулся Сергей с Варварой Федоровной, и я выпил бы чаю. Без тебя, вот как!

А в «первую» мою ночь я все просыпался, мне все казалось, по террасе кто-то ходит, думал, не воры ли? А оказалось, утки.

Светлое утро, а дождик будет.

Москва 1908

21 августа

Около 8-и утра

Поднялся в 8, лег вчера 11-и не было. Весь день в разговорах. Только страницу написал. А сегодня на целый день остаюсь с Ляляшкой.

Она все спрашивает, что я пишу и может ли Наташа¹⁶ читать по писаному?

Из вчерашнего разговора с В(арварой) Ф(едоровной). О знакомых: о Бурнакине¹⁷ и др. И все-таки скажу, таких «экземпляров» в Петербурге не водится — и слава Богу, довольно с нас Пильских, Чуковских, Манычей,¹⁸ а перед Бурнакиным всякий из них ангел Господен.¹⁹

С Сергеем говорил о одежде: на мне все оборвалось, да еще после дороги, хожу, прикрываясь «естественным» способом, ношу с собой портфель. Да ты все знаешь. Мне придется пройти к Николаю²⁰ на дачу, он тут же, в Петровском парке, только не на задворках и без всяких соседних уток. Николай купил дом — 75. 000 р(ублей). Напишу ему прошение.

Начинаю привыкать к осени.

Думаю пройти к Вл. И. Немировичу-Данченке²¹ и показать ему «Трагедию о Иуде», не дожидаясь ответа от Зюнова.

О деньгах: у нас 25 рублей. Эти 25 руб. мне должен Сергей, обещал отдать к моему отъезду.

Ляляшка не перестает крутиться около:

«Выучила(сь) ли читать Наташа, спрашивает, и читает ли „Светлячок”»?²²

А я и не знаю, что Наташа читает, так я с ней мало разговаривал.

Как-то ты на печенежской жарке печешься? На Черном море вспоминается ли тебе наша осень?

Пишу на своей бумаге, тут не водится.

[Анатолий Андреич Бурнакин скоро перекочевал в Петербург и занял «грызную» должность при Буренине в «Новом Времени».²³ У него и лицо особачилось].

Москва. 1908

на 21—22 августа

Первый час, время ко сну. А то встаю в восемь и не могу выспаться. Написал первые две части «Царевны Мымры»,²⁴ завтра начну «бегство в Америку».²⁵ Написал прошение Николаю, передаст Сергей... Писал долго, очень было трудно писать. Дал переписать на машинке. Через Сергея бесплатно. А то боюсь, мои завитки и читать не будет, а удивить не удивлю, он и сам так может.²⁶ На машинке переписут мне и «Трагедию о Иуде», и я попробую показать тут.

От Лундберга письмо: он получил от Бурлюков телеграмму, что тебя встретят. Весь день писал. В(арвара) Ф(едоровна) возвратилась к 5-и. После чая приходили гости — соседи, два офицера: переезжают в Москву. Скоро дачи опустеют.

Не объедайся фруктами, не бери с меня пример, я понимаю, какой это соблазн. А больше всего не ешь яйца крутую. Я раскаиваюсь и расплачиваюсь, что взял в дорогу, лучше бы было не брать ничего. А ешь в «мешочек».

Буду изворачиваться, чтобы достать денег.

Сергей с Биржи принес бумаги, завтра карандашей принесет.

Москва 1908
22—23 августа
2 ч(аса) н(очи)

Целый день писал. К обеду кончил «Царевну Мымру» [Зга. Прага, 1925 г.]. Переписываю. Во вторник будет готов «Иуда» (Трагедия) на машинке. Узнаю приемные часы, чтобы попасть вовремя, «без завтраков».²⁷

Дождик и холодно.

Говорил с В(арварой) Ф(едоровной) о их житейских делах. Все идет вразбивку. И нечем помочь. И запутанно, хоть для каждого все ясно. Если бы не Ляляшка, давно бы все рассыпалось. Он давным-давно всю свою любовь вылюбил, а она не может загасить своей запрятанной глубо(ко) настоящей любви. Отсюда и раздражение, — послушать: как враги. К вечеру он непременно напьется. Теперь я знаю, раз ему прошло, а во второй раз не пройдет. [Он служил на Бирже маклером и беспечно распоряжался казенными деньгами, никогда не отказывал, кому надо было перехватить «до завтра». А когда, наконец, наступит это «завтра», касса окажется пустой. Все это матерьял мне для моих будущих «Крестовых сестер», для «Маракулина»].²⁸

Хорошо бы поскорее в Петербург!

Прошение мое Николаю передано. Не хочется мне с пустыми руками возвращаться. Во сне видел Озаровскую,²⁹ это не иначе, как к дождю.

По газетам узнал, что С. М. Городецкий вышел из «Весов».³⁰ Входить и выходить, особенно выходить — это наша петербургская реклама. В конце концов можно себе создать «литературное имя». А в Москве на «входах» сыграл грек Теофилакт: до его писем в редакцию никто о нем и понятия не имел, а теперь известный художник.³¹

План моих путешествий: «Золотое Руно», «Весы», Соколов («Гриф») и «Рус(ская) Мысль» (Ю. Ис. Айхенвальд).³²

Привези яблоков, хоть печеными будем есть. Тут я остерегаюсь. [Эпидемия холеры].³³

Ел раков. На раках — и все новости.

Догадался бы Николай мне денег дать — не догадается!

Москва, 1908.
23—24 августа
около 1 ч(аса) ночи

Видел во сне Д. В. Философова.³⁴ Я вхожу в комнату и вижу, он сидит у стола. Усы — волос конский и густые с расщипом, а бородка жиденькая просвечивает. «Здравствуйте, говорю, Дмитрий Владимирович!» А он смотрит на меня, и не кланяется, молча. И у меня такое неприятное чувство и думаю: расскажу тебе.

Неудачи. Стал переписывать «Царевну Мымру», а не нравится мне. Завтра исправлять буду. Поехал на Долгоруковскую [квартира Сергея], думал взять кое-что из старых рукописей, а заодно, посмотреть таракономора,³⁵ обещал прийти, — таракономор не пришел, а рукописей не найти было, так все свалено и перемешано, и вещи и книги, и в комнатах холодно. От Зонова письмо: необходимо сделать дополнения к «Иуде» (Трагедии), приедет утром 28-го.³⁶

Все это меня взволновало, какое-то неприятное чувство, точно продолжение сегодняшнего сна.

Ах, зачем эта ночь,
Так была хороша...³⁷

Поет бродячая «арфистка» — всякий день ее слышу и этот тоскующий мотив и ее истуканье с застывшим взглядом вкрапливаются в мое беспокойное чувство.³⁸

А в свежести вечера дышит осень: и завтра будет дождик.

Суббота,³⁹ завтра Сергей не пойдет на Биржу. Рассказы о московских родственниках.⁴⁰ Нет, я бы в Москве не мог жить, завязнешь, приезжать, да, согласен. Родственные права — хорошо еще, что судьбой развязался и живу безотчетно, как чужой, а то б из-под земли достали и наложили свою лапу, эти бесчисленные двоюродные братья и сестры, дяди, тетки, близкие и дальние и все вместе.

Нашел на карте «Новую Маячку».⁴¹ Жду с нетерпением твоей телеграммы. Ляляшке передал от тебя красный подвесок, Лундберг дал, египетский. Очень довольна, говорит, будет беречь, как обезьяний знак. [Елена Серг(еевна) Ремизова первый кавалер обезьяньего знака; для нее я и придумал этот знак — «у всех на виду, а ничего не понять» — талисман]. Надоело тебе, чувствую, а когда Бурлючка родит? [Людмила Давыдовна Бурлюк-Кузнецова, преданная С. П., всех детей крестила у нее С. П., хорошая художница, о ней в «Кукхе», в Розановых письмах].⁴²

С понедельника в поход.

Москва, 1908

½ 2-го н(очи)

Сегодня неделя, как ты в Чернянке. Без тебя за эту неделю много я терпел. Были минуты, думал, конец мне — это тогда, как ехал в Москву [как ночевал у Бронштейна, набросился на селедку, а вымочена была селедка в горчичном растворе по рецепту доктора Самуила Захарыча Баскина, и с перцем, потом пил чай без счету, мало было свету невзвидеть, разве, что ⟨яйца⟩ вкрутую, их я обвиноватил, временно поддержали и я все-таки до Москвы добрался].

От тебя ни одного письма.

Сегодня во сне видел Берестовец. И что-то тяжелое осталось на душе.⁴³ После-завтра Наташины именины.

Все утро над «Царевой Мымрой». Чтобы что-то поправить, надо отойти, а то ничего не слышишь. Говорят, что исправлениями можно погасить вещь, это неверно. При мастерстве не может произойти «раньше было лучше». [Перевести в другой ритм, как я сделал с «Прудом» в изд(ании) Шиповника,⁴⁴ но это не исправления, не выработка, а совсем получилась другая вещь: и тут «что, кому нравится»].

После обеда все и с нянькой Натальей пошли в парк. Я в первый раз. Что-то вспоминаю, но не могу восстановить, парк этот связан с Белинским.⁴⁵

Очень холодно. Когда затворили дверь на террасу, в комнате было 6°R.⁴⁶

После прогулки опять сел исправлять, и без всякого напряжения все и видел и слышал. Должно быть передышка помогла мне.

Завтра В(арвара) Ф(едоровна) в городе узнает часы приема.

Я хочу так: Иуду (Трагедию) — в «Золотое Руно», а «Русской Мысли» дать рассказ.⁴⁷ И попросить аванс.

Конечно, «Иуду» сначала исправлю.

Хочется мне по приезде корсет тебе купить.

Москва 1908

⟨С⟩ 25 на 26 августа

2-ой ч(ас) н(очи)

Пишу «скорописью»: лампа догорела, а свечки чуть-чуть. Твое письмо получил. Купайся, а то тут такой холод, пожалеешь. Беспокоит, как ты в своем летней кофточке поедешь. Закутайся в теплый платок.

Видел во сне Мережковских, будто я к ним пришел. И они что-то говорят и смотрят необычно кротко — «агнцы Божии».⁴⁸ И вдруг появляется Помялов (мой товарищ по училищу, взлохмаченный, глиняный — у них кирпичный завод около Люблина по Курской дороге, как переехать мост) и подает по короб-

ке конфет. Зинаиде Николаевне одну, а другую Дмитрию Сергеевичу. И почему-то на эти коробки я побежал. Бегу, а за мной Вонзблейн, тоже мой одноклассник. И он перегнал меня. И мы столкнулись высоко на лестнице, на площадке. И вдруг я понял и ужаснулся: сейчас он меня толкнет вниз. [Помялов — помяло, выгнать, потому и побежал. Вонзблейн (sic!) — свинцовый человек].

Переписал, отделявая снова и снова 2, 3, 4 части «Царевны Мымры». Сейчас начисто половину первой части. И всю бы переписал, если бы свечку мне. Справлялась В(арвара) Ф(едоровна), кто и где принимает. Брюсов за границей.⁴⁹ Завтра иду к С. А. Соколову («Гриф»)⁵⁰ А в среду к Айхенвальду и в «Золотое Руно».

К Айхенвальду понесу рассказ, не дам его, а только покажу, иначе не попросить аванса. Завтра кончу переписывать «Царевну Мымру» и займусь придумыванием вставок к «Иуде» (Трагедии).

Ты пишешь о Таисии Львовне. [Киевская тихая невеста Лундберга, приходила к нам со своим «разбитым сердцем»]. В Киеве я как сел в вагон после Бронштейновской селедки, и все позабыл, о чем не забыть было справиться, и только сейчас вспомнил о ней.

Слава Богу, что кончил «Царевну Мымру»

«Ах зачем эта ночь,
Так была хороша...»

Кончил, а мотив не отпускает. У меня все так — всегда пронизан песней. Ведь еще и в «Пруды» сцена с матерью, когда она вешается, бормочет монах:

«Ах, барыня-барыня, сударыня барыня».⁵¹

Скоро и в Петербург. Купайся и не жалуйся на жару. Как я вспоминаю Киев, киевский июльский размор.

А недаром нас лошади не довели [из Берестовца на станцию Круты⁵²]. Это самая неудачная наша поездка. А ехать тебе к Бурлюкам мое предчувствие не обмануло меня: чувствую, что тебе хорошо у них.

До свидания. Благослови на «авансовую» удачу.

Наташины именины.

А вот и свечка догорела. (Ах, зачем эта ночь...)

Москва 1908
26—27 августа

Видел во сне А. П. Чехова. Вижу, идет с каким-то мальчиком. Нагнал его, и кланяюсь. Он остановился и говорит: «Я давно с вами хотел увидаться». А я отвечаю: «А я давно с Вами здороваюсь-кланяюсь».

Чехов живет в Москве на Воронцовом поле в доме Грузинской церкви: церковь на горе, а его дом под горой — в репейнике, на пустыре. Места мне хорошо известные с детства. Чехов пропал. И все засыпалось какими-то насекомыми с крылышками — саранча?

С утра до ½ 4-го переписывал и поехал к «Грифу».

С. А. Соколов (имел?) какое-то отношение к «Ребусу», московскому спиритическому журналу (тоненькие тетради).⁵³ И его рассказы всегда «таинственные», но по его легкой природе, благожелательный человек, без всякой тайны. На этот раз он рассказывал о каком-то доме в Москве, где является зарезанный старик, в этом зарезанном доме он собирается провести ночь: что будет? Потом он рассказывал о московских новостях, о чем я уже читал в газетах. Слушал, не перебивая, пускай себе — если это доставляет удовольствие человеку.

Просидел я у «Грифа» с полчаса, пообещал к нему завтра обедать и домой, в Петровский парк.

Застал Сергея, собирает и укладывается: завтра переезжают с дачи.

На мое прошение, Николай обещал дать мне пальто и еще что-то. Не медля, я пошел к нему на дачу. Но ни его, ни Варв(ары) Серг(еевны), одна Галя.⁵⁴

Галя очень выросла, совсем «барышня», занимала меня, рассказывала об обезьянке: та, моя знакомая,⁵⁵ померла от чахотки, но у них будет новая, и не одна, а с обезьяном.

Назначили мне на 29-ое. Обязательно пойду. Слава Богу, хоть одно дело будет сделано.

Вернулся к Сергею, вымыл себе голову «на последях», воду нянька для Ляляшки готовила. И за переписку 4-ой части. И тут начались исправления, и теперь уж не знаю, как и быть. Придется в Петербурге еще раз переписать.

Письмо от Зонова: 28-го будет в Москве и зайдет.⁵⁶ Займусь вставками к «Иуде» (Трагедии). Завтра самый мой трудный день: «Рус(ская) Мысль» и «Золотое Руно».

Немного потеплело. А ты, наверно, как жарись на черноморском солнце! А хочется тебе в Петербург?

Москва 1908

27—28 августа

на письмо от 22 августа

Нет в доме чернил. А для меня это мука — карандаш.

Видел во сне, будто плывем — река такая светлая и хорошо.

Поутру укладывали вещи. Я свое свернул и поехал на Долгоруковскую. На даче был холод невыносимый.

Хотел в Худож(ественный) Театр, но вижу, опоздал, и пошел в «Рус(скую) Мысль».

С Айхенвальдом: «Суд Божий» [«Зга», Прага, 1925] пойдет в сентябре;⁵⁷ 200 р(у)б. за лист, в «Суде Божьем» лист; по напечатании пришлют 100 [100 р(у)б. я получил раньше]. Предложил «Царевну Мымру», в ней больше листа, но могу выслать из Петербурга, и попросил аванс. — Отказали. — Надо, стало быть, послать рукопись и тогда просить. К «Ремезу» и «Пчелам» [«Посолонь»]⁵⁸ просит приложить «таких же». Айхенвальд не знает, как определить, назвать стихами не смеет⁵⁹ [только Вяч. Иванов так назвал бы⁶⁰], и под «рассказы» не подходят. [Эти «такие же» в «Рус(ской) Мысли» не были напечатаны].

Опять туркнулся в Худож(ественный) Театр, но оказалось, Немировича-Данченко нельзя видеть. Завтра поговорю с Зоновым, как это сделать: ему известны все входы и выходы.

В «З(олотом) Р(уне)» Таставен мне сказал, что мне выслали 55 руб.⁶¹ Попросил аванс.⁶² Надо увидаться с Рябушинским. Поехал к Рябушинскому. Дал мне 40 руб. За квартиру заплатим.

У нас 25 р(у)б. да эти 40 = 65. 65—45=20. Дорога 8 р(у)б. Останется 12 руб. Мы богатые!

От Рябушинского к «Грифу»⁶³ обедать. 6 часов вечера, едва на ногах держусь, с утра ничего не ел.

Ив(ан) Алексеевич Новиков,⁶⁴ Ходосевич⁶⁵ (sic!) и Тимофеев,⁶⁶ Ив. А. Новиков кланяется, подарил мне игрушку. Вера Гавриловна живет в Москве: «лепит». [В(ера) Гав(риловна), жена Новикова,⁶⁷ сам Новиков сияющий, «писатель», известность получил посвящением к своей книге стихов: «Духу святому».⁶⁸ Одно это посвящение показывает: хороший человек, но без всякого костяка; что бы он ни написал, ничего не держится, а разваливается в пыль.

Ходосевич — червевидный, добросовестный «поэт» без намёка на поэзию, но сам себя считает Баратынским.⁶⁹ Тимофеева не помню.⁷⁰

Когда вернулся на Долгоруковскую, там все было устроено. Перетащились. С завтрашнего пойдет жизнь, как будто ни в какой Петровский парк не проезжали и на даче не морозились.

Сергей передал твоё письмо [2-ое, заказное] и Лундберга (письмо А. П. Зонова с его замечаниями к «Иуде»⁷¹).

Странно, что до сих пор не получила моих писем. Это девятое.⁷² Каждый вечер, когда Сергей с В(арварой) Ф(едоровной) лягут спать, и в доме все затихнет, пишу тебе. При них письма не пишу, потому что все-таки они движутся.

Во вчерашнем письме⁷³ я тебе писал, что нет у меня худшего «воспоминания», как от этого Киева. Ей-Богу, если бы я еще остался, мне был бы конец — скрючила б холера. Просто наваждение эта наша поездка. Очень мы оба были утомлены. Мне надо было бы сказать (Ольге Герм(огеновне) Смедович⁷⁴): «Скажите Вере Павловне (Дриллинг),⁷⁵ что мы едем в Египет, что Сергей (Ремизов) в Милане, поет в опере». Давай вперед будем так — ей-Богу, больше не будут приставать. [Тут вологодские хвосты, наша встреча с Н. М. Ионовым и с его женой О. Г. Смедович, в Киеве же тогда жили Дриллинги, все бывшие ссыльные, которых особенно занимала судьба С. П., не по-хорошему, а по-«скандальному»: язык почесать].⁷⁶

А как же ты поедешь обратно? Деньги? Сообрази и напиши, если не поздно.

Письмо от Шалауровой (из Сольвычегодска)⁷⁷ Зонов оставил швейцару.

Мой план: завтра переговорить с Зоновым, сесть за исправление «Иуды» (Трагедии); 29(-го) к Николаю за пальто; 29-го же к Виктору; 30-го к Муттеру, возьму что-нибудь из наших книг, сахару, чаю и варенье — если дадут.

Рябушинский мне предложил тему. Расскажу. [Не помню].

До свидания.

Москва, 1908
28—29 августа

Толстовский праздник. Жаль, что мы не в Петербурге. Только в Питере и разрешен, а в Москве тихо.⁷⁸

Приехал Зонов. Проговорил с ним до одури: сейчас сижу за исправлениями. Монолог Ункрады, который в твоей рукописи, он советует вставить. Прибереги. А как трудно исправлять. Разобрали только I-ый акт. За эти дни хочется мне начерно все сделать и показать ему.

Встретил Добужинского: он приехал в Москву для постановки «Франческо».⁷⁹

Если бы удалась пьеса, дела наши пошли бы лучше. Думаю повидаться с Коммиссаржевской и Федором Федоровичем [Коммиссаржевским].⁸⁰

Предполагалось, что завтра к Николаю, но он уезжает, и мне «назначено» во вторник — 2-го.

По словам Сергея: «одежда» и тебе и мне будет. Посмотрим. Завтра к Муттеру и к Виктору. О медальоне никогда не забываю.

А. П. Зонов передал письмо от Раисы и ее матери (Шалауровых). И дико и досадно: *никаких причин не объясняет*. Было чувство: не хочется читать. Сама увидишь. [Не помню что, но думаю, о каких-нибудь мелочах с мещанской повадкой и канителью].

Зонов нанял квартиру на Офицерской.⁸¹ Дина Исааковна⁸² поедет числа 6—7-го через Москву.

Замечания Зонова очень меня взволновали. Если бы ты была, я бы тебя спрашивал. А то я сам с собой разговор веду и только головой покачиваю. Еще только ½ 1-го, а лягу: завтра лучше! Да, Зонов поругался с Мейерхольдом из-за какой-то ерунды,⁸³ как всегда, не понял и не запомнил.

Жду от тебя известий. Не сердись, что пишу кратко. Ничего не происходит.

Москва 1908
29—30 августа

Сон не могу вспомнить, а снилось.

С утра за I-м актом. Очень трудно. Так я и не добился заключительной фразы.

«Путешествовал» с Сергеем к Виктору — с Долгоруковской на Воронцовскую,⁸⁴ это подальше, чем с Петербургской стороны на Шлиссельбургский тракт. Вернулись в 2 ч(аса) ночи.

Видел Павлушу Рюккерта. Условился о медальоне. Он просил фотографию со старинного: «голова львова, сера космата, с огненной пастью».⁸⁵ Я нарисовал ему. Медальон будет готов в начале октября. У них работы мало, не задержат. Будет стоить 50 руб. Я обещал деньги выслать немедленно.

Виктор обещает к маю 95 руб. Да получу ж откуда-нибудь.

Погода повернула на тепло, и все-таки от сквозняков насморк.

Остается: во вторник к Николаю и к Муттеру, «возьму» чаю и сахару.

Я очень рад, что о медальоне говорил без посредников, а то пошел бы разговор: ведь 50 руб.!

Скоро в Петербург. Купайся.

Москва 1908
(С) 30 на 31 августа

Сижу по часам, а в итоге одна фраза, да и ту зачеркнешь. Рассмотрел с Зоновым 2 и 3 акт. Во 2-м надо сочинить сцену: Иуда и Мария.

Наверно, есть от тебя письмо. Но ни вчера, ни сегодня, ни завтра на Бирже нет занятий, и Сергей все время дома.

Был на открытии у Коммиссаржевской: «Нора».⁸⁶ Ни одного знакомого, пустой зал. Коммиссаржевская чудесна, но сама «Нора» обетшала. И все-таки после Ибсена за свое стыдно. У меня нет слов. А те, что приходят, не то. А у таких, как Ибсен, всегда фонтан и, если и вычеркивать, есть что.

Как у тебя там, скоро ли родит Бурлючка?

Завтра приготовлю сцену во II-м акте и прочитаю А. П. Зонову. А во вторник на Биржу.

Что за пальто тебе будет, или это только разговоры?

Если ты думаешь пробыть дольше, я тебе пришлю «Царевну Мымру», ты ее исправишь и вернешь. А я отошлю Айхенвальду. И получу аванс.

На квартиру [М(алый) Казачий пер.] ничего не написал. Подождут. — Контракт подписан.⁸⁷

Напиши, когда не посылать писем.

До свидания.

Москва 1908
31 (августа)—1 сентября

Снилось мне, мы в Сольвычегодске.⁸⁸ Ты села на извозчика и поехала, а я и С. Городецкий уселись было на козлы, да очень тесно и решили пересесть, чтобы ехать по-седаковски. Тут я вспоминаю, что оставил карты. Вбежал под ворота и собираю, а их целая гора. Однако, ждать некогда. Ехать приходится с высокой горы. Ты — свою, а Городецкий — свою лошадь едва сдерживают. А я все собирал карты — целая гора — и страшно боялся, что останусь один. А когда, наконец, мы приехали, навстречу Брюсов. Говорю ему: «Правда, Валерий Яковлевич, вы любите, чтобы вокруг было беспокойство, а в глубине души покой». «Да, сказал он, правда» — и повторил мою фразу слово в слово.⁸⁹ И я проснулся.

День начался не ладно, но окончился благополучно. Мучился с насморком, принимал и какие-то горькие капли. Приходил Суворовский.⁹⁰ И всю мою немочь развеял музыкой на стихи Сологуба.⁹¹ Я замечтал о пьянино. Хорошо бы взять напрокат и ты бы играла.

Придет же, наконец, время рожать Бурлючке. Надоело тебе. Пишут, в Петербурге, холера.

Осторожнее, не ешь фрукты.

Только в среду к Муттеру, завтра Сергей занят. А 5-го в Петербург.

Москва 1908
1—2 сентября

Будто мы где-то в лесу в доме доктора Заливского [ссылный в Устьсысольске].⁹² У меня сломался зуб, и мы очутились в церкви. Посреди церкви у амвона прямо на полу покойники, но без покрова, лежат, как на столе. Стал я вглядывать(ся) — и молодые и старые — и показываю тебе: «Посмотри, говорю, вон тот!» А он раскрыл глаза и ловит рукой, вдруг встал и пошел, и уж около царских врат стоит. И только венчик на лбу, весь голый, а ноги дегтем измазаны.⁹³

2—3 сентября

Разбудили: ходят по комнатам. И хождением сон мой развеяли. Вчера начал «Летавицу» [«Посолонь»].⁹⁴

От тебя телеграмма. Письма отложил, покажу. Сегодня уезжает Вар(вара) Ф(едоровна) в Ефремово: ее мать больна. Был у Муттера. Тихо и одиноко. Сидит в кресле. И вдруг спохватывается и слезы безудержно — все, что осталось. Эти слезы — над своей судьбой.⁹⁵ Меня она за кого-то за другого принимала, но потом вспомнила и очень смутилась. А чтобы напомнить о себе, надо рассказать что-нибудь или очень хорошее или очень плохое. Хорошего я ничего не нашел, меня выручило «смешное»: напомнил, как мы вместе [я под диктовку] письма писали самые сумасбродные знакомым и незнакомым по адресу и «с передачей» (случалось, скандальной) и, конечно, без марок.⁹⁶

Завтра последнее совещание с Зоновым о «Иуде» (Трагедии). Завтра к Николаю на Биржу.

3—4 сентября

На Бирже дано было представление под названием: «Без штанов, да в шляпе».

Главное действующее лицо: хор из служащих в канцелярии Биржевого Комитета.

Я пришел на Биржу, как мне было назначено за одеждой. Николай мне передал пальто и для тебя от Варвары Сергеевны какие-то тряпки.

Пальто необыкновенное: заказано оно было в Вене, и венский портной постарался. Шоколадное в талию с шелковыми отворотами и на шелковой подкладке. Николай отдавал его мне за «неприличие»: показаться в таком можно на скачках, у Яра, но никак не на Ильинке — засмеют.⁹⁷

И я должен был обязательно примерить и показаться.

Я не скажу, чтобы на мне была рвань, не зря же при Серафиме Павловне всегда были Валентины Александровны и Раисы,⁹⁸ да та же Бурлючка, но я был весь заплаченный, подштопанный и «заштукованный». И когда я надел на себя щегольское пальто, все мое «естественное» полезло назойливо в глаза, а стоптанные ботинки даже не «естественно» крикнули, точно вспомнили молодой свой скрип.

И тут разразился хохот, взорвав всю Биржу, — действительно, было, чему посмеяться — Николай и все ему подчиненные, вся канцелярия до старика швейцара, поднявшегося на шум в канцелярию, все задыхались от смеха.

И только я не смеялся.

[Какой-то художник, кажется, Пархоменко, затеял о ту пору галерею портретов русских писателей, и я попал в эту галерею.⁹⁹ Я просил художника изобразить меня в этой «багрян(и)це»,¹⁰⁰ но он не понял, и, вспоминая, он с удивлением рассказывал, как какой-то из писателей, чуть ли не Розанов,¹⁰¹ забыл фамилию, с необыкновенным упорством настаивал, чтобы изобразить его в пальто и тщательно изобразить именно это пальто].¹⁰²

Был у Коммиссаржевской на «Пелеасе» (Метерлинка).¹⁰³ Хороши слова.¹⁰⁴ Но вообще вечер пропал. Или я так плохо вижу, но я не мог отыскать Варвару Сергеевну [Ремизову], она обещала быть, а я хотел ей объяснить о вещах для тебя.

¹ Довгелло (исконное написание фамилии) Лидия Павловна (1876—1944) — младшая сестра С. П. Ремизовой-Довгелло, воспитывала дочь Ремизовых в Берестовце. В оригинале письма вместо нее упоминается Л. Д. Бурлюк.

² Бурлюк Давид Давидович (1882—1967) — художник, поэт, теоретик русского футуризма. О многолетних контактах Ремизова с Бурлюком свидетельствуют, среди прочего, два рисунка художника 1950 года, вклеенные писателем в составленный тогда же альбом (см.: ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 54. Л. 33, 34). Материалы к истории отношений Бурлюка и Ремизовых см.: *Обатнина Е.* «Если Вы включаете Ремизова в группу футуристов — на это есть некоторые основания...» (К истории отношений писателя с авангардистами) // Сборник в честь проф. Антонеллы д'Амелия. Салерно, 2014 (в печати).

³ Ионов Николай Михайлович — товарищ Ремизова по вологодской колонии политических ссыльных в 1901—1903 годах. Среди ремизовских архивных материалов сохранилась краткая характеристика Ионова, относящаяся к жанру шуточных «некрологов», которые будущий писатель сочинял в ознаменование завершения срока ссылки своим друзьям: «Николай Михайлович Ионов / † 1. 1. 1902 / по метрическому Феофилактович, известен тем, что до конца живота своего прожил в добровольном изгнании в г(ороде) Вологде статистиком» (Центр русской культуры Амхерст-Колледж (Amherst College Center for Russian Culture, USA). Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой. Вох 3. Folder 9). См. о нем также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 492.

⁴ Лундберг Евгений Германович (1883—1965). Об истории отношений Лундберга с Ремизовым см.: *Лундберг Е. Г. I.* Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314—367.

⁵ Бронштейн Евсей Исаакович (около 1866—1923) — в 1905 году сотрудник газеты «Киевские отклики»; банковский служащий. См. воспоминания дочери Л. И. Шестова о взаимоотношениях отца с Бронштейном: «По тому, как близко к сердцу принимал Шестов дела Бронштейна, видно, какое значение придавал он этой дружбе» (*Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Paris, [1983]. Т. 1. С. 61). Бронштейн стал искренним поклонником литературного таланта Ремизова. Ср. его оценку произведений писателя 1907 года, высказанную в письме от 27 ноября 1911 года: «Не знаю, в который раз, — снова перечел „Маку“. Какая прелесть, какая значительная вещь. Какая великая сказка для взрослых! Только художнику „Божьей милостью“ могло прийти в голову так угадать и так рассказать о творчестве ребенка. Говорю вам без лести, что если бы вы ничего больше не написали в своей жизни, кроме этого рассказа и „Посолони“, вы уже стали (бы) одним из первых в первых рядах нашей литературы. Если этого не хотят понять сейчас, то поверьте, что рано или поздно это должны признать все...» (РНБ. Ф. 634. № 66. Л. 1—1об.).

⁶ Петровский парк — пейзажный парковый комплекс в северо-западной части Москвы; памятник ландшафтного искусства XIX века; с 1836 года по указу Николая I вокруг него стали строить дачи; в начале XX века эта территория оставалась модным дачным местом.

⁷ Е. С. Ремизова. См. о ней: На вечерней заре 1907. С. 173 (прим. 66).

⁸ Подразумевается Шарль Омон (Charles Aumont, также Михаил Григорьевич Омон; по некоторым источникам, наст. фам. Соломон) — француз алжирского происхождения, московский «король антрепризы», основатель российского кинопроката.

⁹ Имеются в виду гастроли труппы летнего театра Шарля Омона «Олимпия» в Киеве. В 1898 году этот антрепренер арендовал знаменитый московский парк «Аквариум», на территории которого построил два театра — летний («Олимпия») и зимний («Буфф»).

¹⁰ В. М. Ремизов. См. о нем: На вечерней заре 1907. С. 167—168 (прим. 14).

¹¹ Рюккерт Павел Федорович (наст. имя Пауль Фридрих Эмиль; 1880—1922) — художник-эмальер.

¹² Речь идет об изготовлении ювелирного украшения — медальона с фамильным гербом рода Довгелло.

¹³ Зонов Аркадий Павлович (1875—1922) — актер, режиссер, один из ближайший товарищей Ремизова.

¹⁴ Ср. сходный пассаж о театральной судьбе «Трагедии о Иуде, принце Искаротском» в очерке «Бесовское действо», написанном не позднее 1948 года, т. е. практически одновременно с переработкой Ремизовым писем к жене: «Царь обезьяний Асыка (...) выпущенный на сцену в „Трагедии о Иуде“ и хранившийся пять лет неприкосновенно в заднем кармане у Зонова...» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 255). Текст этого драматического произведения был впервые опубликован в 1909 году на страницах журнала «Золотое руно» (№ 11/12). Театральная премьера трагедии (под измененным по цензурным соображениям названием «Проклятый принц») состоялась 9 февраля 1916 года в московском Театре имени В. Ф. Коммиссаржевской. Создатели спектакля: А. П. Зонов, Федор Федорович Коммиссаржевский и Василий Григорьевич Сахновский.

¹⁵ Описание этого сновидения легло в основу литературного «сна» Ремизова «Жандармы и покойник», включенного в цикл «Беловая доля. Ночные приключения» (впервые: Русская мысль. 1909. № 5. С. 21—22; см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 421—423).

¹⁶ Ремизова Наталья Алексеевна (1904—1943) — дочь Ремизовых. Подробнее о ней см.: Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 44—59; Бунич-Ремизов Б. В. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и восприятии ее близких // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267—272.

¹⁷ Бурнакин Анатолий Андреевич (?—1932) — критик, журналист, поэт. В 1910-е годы его критические отзывы о творчестве Ремизова носили амбивалентный характер. См., в частности, статьи Бурнакина «Сомнения и надежды» (Новое время. 1912. 9 марта. № 12928. С. 6) и «Анабиоз» (Новое время. 1913. 20 дек. № 1357. С. 6).

¹⁸ Речь идет о петербургских литературных критиках, отличавшихся от других представителей своего цеха безапелляционностью литературных оценок и эксцентричностью публичного поведения. Пильский Петр Мосеевич (Моисеевич; 1879—1941) — журналист, критик, писатель; автор статей о модернистах. Ср. его портретную зарисовку, относящуюся к 1913 году: «Этот Петр Пильский, развязанный и ловкий одесский фельетонист и законодатель литературных вкусов (...) Вздергивал свое лошадиное лицо, интеллигентно взнуданное черной уздечкой пенсне (...) Цинично пьяный, произносил вступительное слово о нашем творчестве...» (Катаев В. Встреча // Красная новь. 1935. 2. С. 8—10). См. о нем: Абызов Ю. Петр Пильский. Опыт столичной и провинциальной биографии // Балтийский архив. Таллин, 1996. Кн. 1. С. 189—201. Творчество Ремизова стало объектом рецензий Пильского в первые годы эмиграции, в частности, на страницах рижской газеты «Сегодня» (см.: «Сегодня»: Роспись / Сост. Ю. Ю. Абызов. Рига, 2001. Ч. 1: 1918—1930; Ч. 2: 1931—1940). Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969) — журналист, критик, переводчик, поэт. Названием своей первой посвященной творчеству Ремизова статьи «Вселенская тошнота» (Речь. 1909. 11 янв. № 10. С. 3) Чуковский охарактеризовал основной мировоззренческий мотив таких произведений писателя, изданных в 1908 году, как романы «Пруд» и «Часы». Ср. также его утверждение по поводу модели сюжетосложения в рассказе «Царевна Мылра»: «Шел к царевне, попал к Скарапее, — такова постоянная ремизовская „формула“» (Чуковский К. Последние рассказы Алексея Ремизова (Рассказы. СПб., 1910 — «Неумный бубен», Альманах для всех, 1910) // Речь. 1910. 14 июня. № 160. С. 3). Подробнее об их взаимоотношениях см.: Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вступ. статья, подг. текста и комм. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. 2007. № 3. С. 132—180. Маныч Петр Дмитриевич (?—1918) — журналист. Скандальность его публичного поведения во многом определяли приятельские отношения с А. И. Куприным. В литературных кругах Маныч считался человеком «с дурной репутацией», к нему применялись такие односложные дефиниции, как «подлец», «проходимец» и пр. (см., в частности: Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подг. К. М. Азадовский. М., 2008. С. 387, 428, 457).

¹⁹ Ср. отзыв Брюсова о литературно-критической деятельности А. А. Бурнакина как редактора и критика первой книги альманаха «Белый камень», изданной в Москве в 1907 году: «Как хулиганы появились в жизни, так появились они и в литературе. Не идеализированные горьковские босяки, но подлинние хулиганы, верящие только в кулак и в рубль, любящие только скандал» (Бакулин В. [Брюсов В. Я.] Всем сестрам по серьгам // Весы. 1908. № 1. С. 93).

²⁰ Н. М. Ремизов. См. о нем: На вечерней заре 1907. С. 167 (прим. 8).

²¹ Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — режиссер, педагог, драматург, писатель, критик, театральный деятель; вместе с К. С. Станиславским был основателем и руководителем Московского Художественного театра.

²² «Светлячок» — журнал для детей младшего возраста; издавался в Москве в 1902—1916 годах писателем А. А. Федоровым-Давыдовым.

²³ В газете «Новое время» Бурнакин вел рубрику «Литературные заметки». Ср. его авторскую характеристику, присланную С. А. Венгеру для библиографического словаря писателей 13 июля 1913 года: «Бурнакин, Анатолий Андреевич, критик и поэт. Первые шаги в Москве

(1907—1910). Борьба с декадентством, сотрудничество в уединенных журналах и альманахах, воинственные выступления на литературных собраниях, наконец, в виде итога „первых шагов” — книга „Трагические антитезы” (М., 1910), обратившая внимание В. П. Буренина, и сборник стихотворений „Разлука” (М., 1911). С 1910 года — постоянное сотрудничество в „Новом Времени” (критические фельетоны) (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 672. Л. 1).

²⁴ Рассказ «Царевна Мымра» был впервые опубликован в № 12 журнала «Русская мысль» за 1908 год (с. 1—15). См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3: Оказион. С. 454—471.

²⁵ Имеется в виду сюжет рассказа «Царевна Мымра».

²⁶ Со временем Ремизов придал своим «прошениям» игровую форму, подражая образцам древнерусских просительных грамот. Для официальных писем, адресованных в различные инстанции или персонам, облеченным властью, он разработал специфический стиль изложения просьб и соответствующее графическое исполнение, имитирующее писцовую скоропись XV—XVII веков. Особую актуальность этот «жанр» приобрел в послереволюционное время. Ср., например, такие «челобитные» Ремизова, как «Валенковое прошение» (РГАЛИ. Ф. 1. № 87. Л. 1) и «Прошение о калошах» (Глезер Л. А. Записки букиниста. М., 1989. С. 225—227).

²⁷ Речь идет о присутственных часах в приемных редакций и театров.

²⁸ Главный герой романа «Крестовые сестры» Петр Алексеевич Маракулин. Этот роман (первоначально автор определял его жанр как повесть) увидел свет в альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1910. Вып. 13. С. 159—297).

²⁹ Озаровская Дарья Михайловна (урожд. Мусина-Пушкина; сценич. псевд. Мусина; 1873—1947) — актриса Александринского театра, жена актера и режиссера Ю. Э. Озаровского. Ср. дневниковую запись М. А. Кузмина от 11 февраля 1907 года: «Были Ремизовы, он хочет знакомить меня с Озаровскими» (Кузмин М. Дневник 1905—1907. С. 320).

³⁰ Очевидно, источником этой информации для Ремизова стала газета «Новая Русь», в которой 19 августа 1908 года в рубрике «Книги и писатели» появилась заметка, весьма одностронне освещавшая литературную распрю между символистскими журналами «Золотое руно» и «Весы». Здесь, в частности, сообщалось, что Городецкий, наряду с другими, вышел из состава сотрудников журнала «Весы» (№ 4. С. 5). Истинное положение вещей заключалось в том, что Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) явился одним из инициаторов враждебного противостояния двух конкурирующих изданий. Его статья «Глухое время» (Золотое руно. 1908. № 6. С. 69—79) с грубой критикой литературной продукции «Весов», в которых он также сотрудничал, была заключительным аккордом в серии «антисимволистских» выпадов авторов «Золотого руна» (подробнее об этом см.: Лавров А. В. «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и размышления. М., 2007. С. 481—482). По всей вероятности, Ремизов не знал, что на самом деле, Городецкий не по собственному желанию отказался от сотрудничества с «Весами», а был изгнан редакцией журнала. Об этом упоминалось в напечатанной в газете «Слово» 14 августа анонимной заметке, которую писатель мог пропустить, так как находился в это время на Украине. Неизвестный автор «Слова» сделал обобщающий вывод, касающийся состояния символизма как литературного направления: «В декадентском сенакле ссоры и раздоры. „Весы” карают поэта Сергея Городецкого изгнанием из числа сотрудников за его остроумную статью в последнем номере „Золотого Руна”, где он высмеивает критические приемы московского декадентского офицоза. Явно, что декадентство переживает себя, и „молодые” ищут новых путей к сокровенному символизму» (Слово. 1908. 14 авг. № 535. С. 3). Однако уже 24 августа «Новая Русь» подтвердила информацию об изгнании Городецкого, поместив «Открытое письмо» секретаря редакции «Весов» М. Ф. Ликиардопуло, в котором тот, в ответ на реплику по поводу скандала, опубликованную в газете 14 августа, уточнял, что «г. С. Городецкий не „ушел”, а ему было отк а з а н о от сотрудничества (...) за допущенные им в статье, напечатанной в „Золотом Руно”, издевательства над национальностями и личности наших сотрудников» (Новая Русь. 1908. 24 авг. № 9. С. 5).

³¹ Позднее дополнение Ремизова, отсутствующее в оригинале письма и не лишенное преувеличений как относительно происхождения Феофилактова (уроженца Москвы, русского по национальности), так и по части его творческого самоутверждения. Известно, что Феофилакт был востребованным художником-графиком, оформлявшим символистские периодические и авторские издания (см. биографические данные, записанные, по всей вероятности, со слов художника в 1928 году, а также краткий очерк его творческого пути, составленный тогда же сотрудниками Государственной академии художественных наук: Алешина Л. С., Стернин Г. Ю. К творческой биографии художников «Голубой Розы» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1992. М., 1993. С. 324—326). Добавим, что он, действительно, был вовлечен в конкурентную борьбу символистских журналов. В частности, в 1906 году, очевидно по наущению Брюсова, Феофилакт пытался повлиять на решение петербургских литераторов (конкретно М. А. Кузмина) принять приглашение С. А. Соколова участвовать в журнале «Перевал» (см. об этом: Кузмин М. Дневник 1905—1907. С. 488—489).

³² Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — литературный критик, литературовед, публицист; после смерти в ноябре 1906 года В. А. Гольцева, в 1907—1908 годах исполнял обязанности главного редактора журнала «Русская мысль». Оставил мемуарные зарисовки о москов-

ской литературной жизни 1910-х годов (см.: *Каменецкий Б.* [Айхенвальд Ю. И.] «Дай, оглянись» (Страницы воспоминаний) // *Сегодня*. 1923. № 226, 261, 271, 279).

³³ Вспышка холеры была зарегистрирована в Петербурге 25 августа 1908 года. Эпидемия, быстро достигшая границ Финляндии, охватила 20 835 человек, из них умерло 4000 человек.

³⁴ См. о нем: На вечерней заре 1907. С. 168 (прим. 19).

³⁵ Очевидно, Никифор Матвеевич Щукин (см. о нем: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8: Иверень. Подстриженными глазами. С. 110—112), прототип героя рассказа Ремизова «Чёртик» (1905) — тараканомора Павла Федорова.

³⁶ 21 сентября Ремизов отправил Зонову рукопись своей пьесы с сопроводительным письмом, которое, вместе с недатированным ответом адресата, приведено в статье Л. Я. Дворниковой «Алексей Ремизов и Аркадий Зонов» (Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 345). Здесь подразумевается второе ответное письмо Зоннова от 25 сентября (РНБ. Ф. 634. № 113. Л. 52 об.).

³⁷ Начальные строки романа на слова Н. А. фон Риттера (музыка Н. Р. Бакалейникова). Известны несколько вариантов текста (переработка А. М. Давыдова и Н. Пашкова) с неизменным зачином, процитированным в письме.

³⁸ Дополнение редакции 1948 года.

³⁹ Ошибка: 23 августа 1908 года выпало на воскресенье.

⁴⁰ Московское детство Ремизов описал в романе «Подстриженными глазами», где, среди прочего, в главе «Домашний маляр» перечислил своих ближайших родственников — представителей известных купеческих династий: Хлудовых, Прохоровых, Востряковых, Лукутиных. См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8: Иверень. Подстриженными глазами. С. 559 (комм. А. М. Грачевой).

⁴¹ Соседнее с имением Н. С. Мордвинова село Новая Маячка, возможно, упоминалось в письмах С. П. Ремизовой-Довгелло.

⁴² Имеются в виду главы «Сеансы» и «Убогие» (см.: *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. С. 63—66, 84; см. также наш комментарий на с. 438—440).

⁴³ Подразумевается атмосфера неприятия, окружавшая писателя в доме родственников С. П. Ремизовой-Довгелло.

⁴⁴ Речь идет о работе над третьей редакцией романа «Пруд» для собрания сочинений писателя, выпущенного издательством «Шиповник» (СПб., [1911]. Т. 4). Описание трех редакций романа см. в статье Ремизова «О разных книгах» (Воля России. 1926. № 8/9. С. 231—232). Историю текста см. также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 1: Пруд. С. 526—527 (комм. А. А. Данилевского).

⁴⁵ Очевидно, подразумевается очерк Белинского «Московский театр» (1838), в котором описываются достоинства Петровского парка не только как популярного места отдыха, но и как центра светской и театральной жизни Москвы, поскольку здесь располагался летний театр. Ср.: «Какое очаровательное гулянье этот Петровский парк! Нет лучшего гулянья ни в Москве, ни в ее окрестностях! Эти дороги, по которым можно ездить, окаймленные дорожками, по которым можно только ходить, эти поляны, луга — зеленые острова с кучами деревьев, пруды, красивые, живописные домики, строение воксала, этот театр-игрушка, этот фантастический Петровский замок, полузакрытый деревьями, эти толпы народа, то волнующиеся по дорожкам, то разбросанные по лугу, отдельными обществами, под деревьями, на столиках пьющие чай — какая очаровательная, одушевленная, полная жизни картина!» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 395—396).

⁴⁶ То есть показания по шкале спиртового термометра Р. А. Реомюра; +6° по Реомюру соответствует +7,5° по Цельсию.

⁴⁷ Имеется в виду рассказ «Царевна Мырма».

⁴⁸ Об истории отношений Ремизовых с супругами Мережковскими см.: *Lampl H.* Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd I. S. 155—194.

⁴⁹ В 20-х числах августа 1908 года Брюсов уехал в Европу: конец августа он провел в Италии, сентябрь — на побережье Бискайского залива и на западном побережье Франции, в ноябре вернулся в Москву.

⁵⁰ См. о нем: На вечерней заре 1907. С. 168 (прим. 15).

⁵¹ Дополнение в редакции 1948 года. Речь идет о сцене из главы пятнадцатой «Монах» первой части романа «Пруд». Вторую и третью редакции этого эпизода см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 1: Пруд. С. 362—363, 146—148.

⁵² Населенный пункт в Черниговской области, расположенный на железнодорожной линии Москва—Киев и связанный для Ремизовых с поездками в Берестовец.

⁵³ Дополнение в редакции 1948 года. «Ребус» — еженедельный журнал; издавался с 1881 года в Петербурге В. И. Прибытковым. Изначально по цензурным соображениям носил сугубо развлекательный характер, его страницы заполняли ребусы и головоломки. Однако уже в 1883 году был преобразован в специализированное издание по спиритизму, освещающее деятельность ведущих русских спиритуалистов А. Н. Аксакова, Н. П. Вагнера, А. М. Бутлерова и др. С 1901 года выходил в Москве. В 1904 году его издателем и редактором стал П. А. Чистя-

ков. Закрыт в 1916 году (по другим источникам — в 1918 году). Соотнесение имени Соколова с журналом «Ребус» в позднейшей интерпретации Ремизова не случайно. Интерес этого московского поэта и издателя к спиритизму был таким же известным в символистском кругу фактом, как и аналогичное увлечение Брюсова, статьи которого в «Ребусе» подтверждали его занятия медиумической практикой. Подробнее об этом см.: Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Вып. 8. С. 61; Богомолов Н. А. Спиритизм Валерия Брюсова: Материалы и наблюдения // Богомолов Н. А. Русская литература XX века и оккультизм. М., 1999. С. 297—310.

54 Г. Н. Ремизова. См. о ней: На вечерней заре 1907. С. 170 (прим. 36).

55 См. письмо от 24 марта 1907 года (На вечерней заре 1907. С. 162—163).

56 Это недатированное письмо А. П. Зонова см.: РНБ. Ф. 634. № 113. Л. 51.

57 Рассказ был напечатан в № 9 журнала «Русская мысль» за 1908 год (с. 1—13).

58 Две миниатюры Ремизова «Ремез — первая пташка» и «Пчелы» (другое название «Божья пчелка»), написанные в 1907 года, вошли во вторую редакцию книги «Посолонь» (Ч. 2: «К Морю-Океану»), опубликованную в собрании сочинений писателя (СПб.: Шиповник, [1911]. Т. 6). 28 мая 1908 года Айхенвальд дал автору утвердительный ответ: «„Пчел” и „Ремеза” напечатать, — но я пока не могу Вам сказать, в какой именно книге» (РНБ. Ф. 634. № 39. Л. 3). Однако это решение было изменено после того как Ремизов предложил свой новый рассказ «Царевна Мымра». Не принятые «Русской мыслью» тексты были впервые опубликованы в «Альманахе 17» (СПб., 1909. С. 159—162).

59 Речь идет о миниатюрах Ремизова, отличающихся от его прозаических произведений крупных форм более насыщенной образностью и выраженным стремлением к экспериментированию, в частности, с ритмической организацией текста, которая чаще всего была выделена автором при помощи абзацев, либо, наоборот, созданием непрерывного нарратива. Не найдя жанрового определения для этих произведений Ремизова в 1908 году, спустя четыре года, в рецензии на 16-й выпуск альманаха «Шиповник», где был помещен рассказ «Петушок», Айхенвальд все же попытался описать его художественные приемы: «Сплошная поэтическая проза, не деленная на слишком обычные предложения, избегающая местоимений, а вместо них повторяющая самые слова, самые имена, звучит своим особым ритмом. Или вы точно видите перед собою литературную каллиграфию, но каллиграфию, исполненную художественно и любовно, с истинной симпатией проникновенного в тайны народной речи, русских начертаний и русской звучности» (Речь. 1912. 8 янв. № 7. С. 3).

60 Ср. мнение Вяч. Иванова о ремизовских поэтических экспериментах, приведенное в письме Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло от 25—26 апреля 1905 года: «Мои „стихи” Вяч. Иванов определяет по Горацио: „versus lege soluti” (стихи освобожденные от закона)» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № IX. С. 459).

61 Очевидно, гонорар за публикацию цикла снов «Под кровом ночи» (Золотое руно. 1908. № 5. С. 31—37).

62 Речь идет о предоплате за предоставление рукописи «Трагедии о Иуде, принце Искаротском».

63 С. А. Соколов.

64 Новиков Иван Алексеевич (1877—1959) — поэт, литературовед, романист, переводчик. В 1906—1908 годах сотрудничал в киевском журнале «В мире искусств» и в московских символистских изданиях «Весы», «Перевал» и «Золотое руно». В последнее из них произведения молодого киевского литератора были приняты по протекции Ремизова. Летом 1906 года Новиков оказался в центре конфликта тогдашнего редактора журнала «Золотое руно» С. А. Соколова с его издателем Н. П. Рябушинским (подробнее об этом см.: Богомолов Н. А. К истории «Золотого Руна» // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 1. С. 71—86).

65 Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — со второй половины 1900-х годов сотрудник журналов «Золотое руно», «Весы», «Перевал», дебютировал стихами в альманахе С. А. Соколова «Гриф». Автор рецензии на постановку в 1916 году пьесы Ремизова «Проклятый принц» (Утро России. 1916. 10 фев. № 41. С. 5).

66 Тимофеев А. А. (1860—1942) — критик, журналист; заведующий литературным отделом газеты «Руль» (1908); автор литературного очерка о В. Ф. Ходасевиче (см.: Тимофеев А. Литературные портреты. П. Ходасевич // Руль. 1908. 23 апр. № 87. С. 2).

67 Подразумевается первая жена Новикова — художница Вера Гавриловна Клошина. В 1916 году Новиков обвенчался с Ольгой Максимилиановной Левенштейн (1882—1949; в первом браке Принц), о которой (с пояснением «моя жена») он упоминал в письме Ремизову от 21 января 1917 года (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 143. Л. 4).

68 Имеется в виду сборник И. Новикова «Духу святому. Первая книга стихов» (М.: «Гриф», 1908).

69 Об аллюзиях на лирику Пушкина и Варагынского во второй книге стихов В. Ходасевича «Счастливы домик» (1914) см.: Богомолов Н. А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В. Ф. Ходасевича // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 359—375.

⁷⁰ Дополнение в редакции писем 1948 года.

⁷¹ См. недатированное письмо Зюнова (РНБ. Ф. 634. № 113. Л. 50—50 об.).

⁷² Имеется в виду предыдущее письмо, написанное в ночь с 25 на 26 августа.

⁷³ Некоторые письма, написанные днем и ночью одних суток, отправлялись вместе.

⁷⁴ Очевидно, О. Г. Смидович. Подробнее о ней см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 665 (комм. О. П. Раевской-Хьюз).

⁷⁵ Возможно, ошибка памяти Ремизова: в романе «Иверень», перечисляя круг знакомых по ссылке, он упоминает Зинаиду Павловну Дрелинг, урожденную Цурикову (Там же. С. 482). Согласно другим источникам, жену Викентия Андреевича Дрелинга звали Валентиной (см. комм. О. П. Раевской-Хьюз: Там же. С. 667).

⁷⁶ Любопытство вологодских знакомых в основном относилось к обстоятельствам брака Ремизова и Довгелло.

⁷⁷ Раиса Александровна Шалаурова. См. упоминание о ней в письме Ремизова от 23 марта 1907 года (На вечерней заре 1907. С. 162).

⁷⁸ Речь идет о праздновании 80-летия Л. Н. Толстого. Широкомасштабная подготовка к этому событию в Москве была остановлена после публикации официального «определения» Синода от 20 августа 1908 года о запрете устраивать торжества по случаю юбилея писателя, отлученного от Церкви. См. об этом: Агитация против Л. Н. Толстого // Речь. 1908. 13 авг. № 192. С. 1; Свят. Синод о Л. Н. Толстом // Речь. 1908. 23 авг. № 201. С. 2; Синод о чествовании Толстого // Слово. 1908. 23 авг. № 543. С. 2. В отличие от московских органов печати, петербургские газеты широко освещали публичные мероприятия, проведенные в столице в связи с юбилеем писателя. См., например, материалы «Дело Толстого (1828 — 28 августа 1908)» и «Чествование Толстого» в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» от 28 августа 1908 года (№ 10878. С. 1, 4), а также статью Д. С. Мережковского «Лев Толстой» в юбилейном номере газеты «Речь» (№ 205) с лаконичным определением значения этого события: «Праздник Толстого — единственный в веках и народах».

⁷⁹ Подразумевается спектакль по пьесе Г. д'Аннунцио «Франческа да Римини» (в переводе В. Брюсова и Вяч. Иванова), поставленный Н. Н. Евреиновым на сцене театра В. Ф. Коммиссаржевской в оформлении М. В. Добужинского. Его премьера состоялась 4 сентября 1908 года во время гастролей в Москве. Одновременно пьесу играли в московском Малом театре (режиссер А. П. Ленский). Ср. замечание В. Брюсова в письме Вяч. Иванову от 13 (26) сентября 1908 года: «Дорогой Вячеслав! Как ты, конечно, уже знаешь, наша „Франческа“ в Малом театре провалилась жалко и безнадежно; у Коммиссаржевской — имела успех» (Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 511).

⁸⁰ Коммиссаржевский Федор Федорович (1882—1954) — режиссер, педагог, теоретик театра; брат В. Ф. Коммиссаржевской.

⁸¹ Ср. недатированное письмо А. П. Зюнова (очевидно, написанное 22 августа 1908 года): «Квартиру снял на Офицерской 62. кв. 82. Три комнаты с дровами и услугами 35 р(уб). Только во дворе и пятый этаж» (РНБ. Ф. 634. № 113. Л. 50). Выбор адреса был продиктован расположением театра В. Ф. Коммиссаржевской (Офицерская, 39).

⁸² Дина Исааковна Коломойцева, жена А. П. Зюнова с 1905 года. См. о ней: Дворникова Л. Я. Алексей Ремизов и Аркадий Зюнов. С. 351—353.

⁸³ Конфликт возник из-за столкновения режиссерских амбиций Вс. Э. Мейерхольда и Зюнова. Подробнее об этом см.: Там же. С. 346—348.

⁸⁴ То есть в принадлежавший тестю В. М. Ремизова Ф. И. Рюккерту дом, который находился по адресу: Воронцовская ул., д. 29. См. также: На вечерней заре 1907. С. 174 (прим. 77).

⁸⁵ Описание фамильного герба рода Довгелло (Довгелло), к которому принадлежала С. П. Ремизова-Довгелло. Эти символы Ремизов также использовал для названий глав в романе, посвященном судьбе Серафимы Павловны, где она выведена под именем Оля. Ср.: «„Голова львова сера, косматга с огненной пастью в поле блакитном“. Под этим знаком вся история Оли: ее детство, отрочество и юность. „Оля“: В поле блакитном. Доля. С огненной пастью. „Голова львова“. Этот львовый знак — фамильный герб Задоры Довгелло» (Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 281).

⁸⁶ Ср. один из откликов на это событие: «В театре „Эрмитаж“ спектаклем „Нора“ начались гастроли В. Ф. Коммиссаржевской и ее труппы. Ничего нового в исполнении ее мы не заметили. Талантливая артистка — такая же прекрасная Нора, какой мы видели ее в последние годы. (...) Театр не был полон» (А. П. Гастроли Коммиссаржевской // Русское слово. 1908. 31 авг. № 202. С. 5).

⁸⁷ Сохранилось «Домашнее условие» на аренду квартиры № 34 по Казачьему пер., д. 9, заключенное между Ремизовыми и домовладельцем на срок с 22 сентября 1908 года по 22 сентября 1909 года (РНБ. Ф. 634. № 2. Л. 15—22).

⁸⁸ Ремизовы находились в Сольвычегодске с 8 по 18 июня 1908 года (см.: Ремизов А. М. Адреса и маршруты поездок. 1905—1911 // РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 11).

⁸⁹ Ср. письмо Ремизова Брюсову от 4 декабря 1908 года, в котором сообщалось: «Видел Вас во сне и в Москве осенью и в Петербурге недавно. Учусь писать рассказы, что мне дается очень туго» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и комм.

А. В. Лаврова; Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 205).

⁹⁰ Николай Павлович Суворовский. См.: На вечерней заре 1907. С. 174 (прим. 78).

⁹¹ Ср. в оригинале письма Ремизова от 31 августа—1 сентября 1908 года (№ 16 в Приложении к наст. публ.): «Приходил сегодня Н. П. Суворовский. Передавал музыку на слова Сологуба». Речь идет об оригинальном произведении Суворовского, положившего на музыку стихотворение Ф. Сологуба «Заря заряница». См. также недатированное письмо Суворовского, адресованное поэту и переданное в Петербург, судя по конверту без почтовых штемпелей, с Ремизовым: «Глубокоуважаемый Федор Кузьмич! Мне Ваша „Заря заряница“ так пала на сердце, что явилась непреодолима потребность написать музыку, хотя вдохновение не посещало уже несколько ЛЕТ. Увидевшись с Алексеем Михайловичем, я узнал, что он знаком с Вами. Это заставило меня тотчас же сесть и записать то, что давно уже совершенно рельефно запечатлелось в голове, в надежде, что автор слов заинтересуется музыкой. Очень обяжете, если скажите что-нибудь мне в письме о своем впечатлении. Н. Суворовский. Адрес на нотах. P. S. Очень извиняюсь за неряшливую внешность: мне пришлось записать в течение одного вечера и даже без рояля; боюсь, что много опусок» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 652). Рукопись нот с подзаголовком «Мелодекламация с припевами для сопрано» см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 175. Л. 25—30.

⁹² Доктор Заливский, отец мальчика, ставшего героем рассказа «Бетка» (см. об этом: На вечерней заре 1907. С. 169 (прим. 26)).

⁹³ В оригинале письма Ремизова от 1—2 сентября 1908 года (№ 17 в Приложении к наст. публ.) сон содержит экфразистическую аллюзию на выполненный в силуэтной технике рисунок К. А. Сомова, который был воспроизведен в издании повести М. Кузмина «Приключения Эме Лебёфа» (СПб., 1907). Эта книга предварялась посвящением «Дорогому Сомову».

⁹⁴ Миниатюра из цикла «К Морю-Океану» (вторая часть книги «Посолонь»); впервые опубликована в журнале «Русская мысль» (1909. № 4. С. 46—50) под названием «Ночь у Вия».

⁹⁵ О судьбе матери писателя М. А. Найденовой см.: На вечерней заре 1907. С. 173 (прим. 67).

⁹⁶ Ср. ремизовское описание организуемых матерью проказ, которые затевались, чтобы отвлечься от свойственной ей депрессии: «Рано я научился писать и умел по-разному — любую подпись могу подделать. (...) Когда и самое верное средство погасить отчаяние не действовало (...) она, впадая в иступление, кликала меня, отвести душу. (...) Я садился за ее стол. Она диктовала мне адреса, а я надписывал конверты, подделывая почерк под учителей и знакомых. „Московский листок“ за месяц мы разрезали на четвертушки и разложили по конвертам, одиночным поменьше, семейным, чтобы на всех хватило, а кому поважнее — с излишком. И не наклеивая марок, запечатываем конверты, и я, с этой горячей ношей, побегу на Камушек опустить в почтовый ящик. То-то наутро подымется на Москве штраф, fyrки и досада и пойдут бесполезные догадки, а никакому сыщику не придет на ум поискать следы на Земляном Валу в доме Найденовых» (Ремизов А. В. в розовом блеске. С. 306).

⁹⁷ Подразумевается известный московский ресторан «Яр», пользовавшийся популярностью у представителей богемы, и одна из старейших московских улиц — Ильинка — исторический центр деловой и торговой жизни города, где располагалось здание Биржи.

⁹⁸ Р. А. Шалаурова.

⁹⁹ Пархоменко Иван Кириллович (1870—1940) — художник, автор портретной галереи «всей русской литературы». Работа над портретом Ремизова была завершена в начале 1910 года.

¹⁰⁰ Багряница — торжественная одежда пурпурного цвета, предназначенная для монахов или архиереев; в древнееврейской атрибутике символически обозначала верховный статус властителя. Ироническая аллюзия на библейский мотив осмеяния Иисуса Христа. Ср.: «И, раздевши Его, надели на него багряницу; И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали ему в правую руку трость; и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27: 28—29).

¹⁰¹ И. К. Пархоменко написал портрет Розанова в 1910 году. См. также очерк В. В. Розанова «Галерея портретов русских писателей г. Пархоменко» (Новое слово. 1910. № 5. С. 22—23).

¹⁰² Дополнение в редакции 1948 года.

¹⁰³ Речь идет о постановке пьесы Мориса Метерлинка «Пеллеас и Мелисанда» (режиссер Вс. Мейерхольд, художник В. Денисов, композитор Василий Шпигас фон Эшенбрук), которая была привезена театром В. Ф. Коммиссаржевской на гастроли, проходившие на сцене московского театра «Эрмитаж». Премьера спектакля состоялась в Петербурге 10 октября 1907 года и была расценена критикой как актерская неудача В. Ф. Коммиссаржевской, исполнявшей главную роль.

¹⁰⁴ Перевод пьесы был выполнен В. Я. Брюсовым. Ср. также мнение А. А. Блока, высказанное в неопубликованной рецензии 1907 года: «„Пеллеас“ переводил для постановки Мейерхольда — Валерий Брюсов, а писателя, более владеющего стилем, чем Брюсов, я не знаю. Следовательно, все, что можно здесь сделать, — сделано» (цит. по: Блок А. «Пеллеас и Мелисанда» // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5. С. 198). Однако у театральных критиков именно языковая ткань диалогов вызвала неоднозначное отношение. См., в частности, мнение

Н. Е. Эфроса: «Перевод пьесы сделан поэтом Валерием Брюсовым, который в своем поэтическом увлечении, по-видимому, совсем забыл русский язык. Со сцены то и дело слышатся фразы из жаргона, например: „Вы *выглядите* совсем молодой”; „Вы лучше должны знать, *что и каких* поступков требует от Вас ваша судьба”; „*Это ты* откроешь дверь для новой поры, которую я *предвижу*”; „Я *не то* хочу, что хочу”; „Умрут у нас *под глазами*”» (Старик [Эфрос Н. Е.]. «Пелеас и Мелисанда» // Театральная газета. 1907. 20 окт. С. 1—2).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

¼ 11ого в(ечера)

⟨Петербург⟩
21 апр(еля) 1908.

Детаньке моей письмо пишу, письмо пишу, а сам думаю, а что думаю, — и все не мыслями идет, а даже не скажешь чем.

Голову боюсь мыть, холодно, завтра истопить надо.

У меня не так, как у тебя, у меня все куда-то положено, в какой-то ящик и там сохраняется, и не спокойно в нем, потому что заключенное в нем живет, и оттого что оно живо, стенки этого ящичка как бы утончаются: тоньше и тоньше становятся.

Вот я и истончен вовсе.

В детстве я был похож на тебя теперешнюю по черте твоей непримиримости и по неуспокоенности, которую видишь глазами, если глаза видят, а потом так, нет, не знаю, когда приготовил для себя ящик и туда стал свое складывать. А теперь твое складываю.

Пить чай хочется.

½ 11ого

А. Ремизов

2

с вечера 17 авг(уста) — 10 ч(асов) вечера 19 авг(уста)
Киев, 18 августа 1908.

Представляешь себе с каким трепетом я лег спать: комната, в которую ввели меня спать сразу показалась мне подозрительной, а потом мой привычный глаз сразу обнаружил, что по стене ползет. И, оставшись один, кое-что поймал, но всего не было возможности: под оборванными обоями — застарелые гнезда. Если бы не утомление, не знаю, решил бы я лечь, — но так устал, что лег и потушил свечу. Во сне что видел, запомнил: большая комната и мы троим: ты, Люд(мила) Дав(ыдовна Бурлюк) и я. Я говорю: я напишу прошение подробное Государю и Давыда (Бурлюка) выпустят из Петропавловской крепости, где он сидит совсем невинно.

Жду Лундберга, чтобы скорее на вокзал. Семья большая — 12 человек, выходить неудобно. Терплю. (2 слова зачеркнуты. — Е. О.)

3

Москва, Петровский парк. 19 августа 1908.

Ну теперь ты доехала, как и я доехал.

Переделся и оставил корзину на Долгоруковской — встретила у ворот нянька и все показала. Переправился сюда на дачу. Никого нет: Варв(ара) Фед(оровна) Ре-

мизова) месяц, как уехала в Ефремово и вернется с Ляляшкой (Е. С. Ремизовой) завтра. Поставили самовар. Приму сейчас солола, а то растрясло. Дорога прошла тихо: я был в соседстве старообрядческого священника, двух куплетистов от Омона, гастролировали в Киеве в Олимпии и двух каких-то интеллигентов, один из которых сказал мне, что видел меня в Чернигове на съезде. Я не отрицал. Хлеба на дорогу так и не купил. Ел вареные яйца. Боялся опоздать. Лунд(берг) зашел за мной в $\frac{1}{4}$ 12го, а поезд отходил без $\frac{1}{4}$ 12. Не скучай, дитяточка, и не беспокойся. После чая примусь за рассказ.

Сейчас 10 часов, думаю ложиться спать. Сергей (С. М. Ремизов) пошел на Долгоруковскую ночевать, чтобы завтра встречать Варв(ару) Фед(оровну). В 6^е он пришел и принес мне соблазнов: и винограду и смоквы, но я дитяточка, без тебя еще больше боюсь прикасаться, хотя у меня после солола ничего нет. А очень хотелось попробовать.

До Сергея я очень мало сделал (для?) рассказа, просто стеснялся спросить прислугу и опять терпел. Относительно денег выяснил: Викташа (В. М. Ремизов) ассигновал мне 90 руб(лей) да 15 р(ублей) заплатил долгу этому Павлуше (П. Ф. Рюккерту) за прошлый медалон. Сергей выслал еще 95 р(ублей), а еще 25 р(ублей) просит, чтобы зимой послать. Не пишу, как это случилось. Разъясню, не стоит писать. Из разговора с ним не услышал ничего такого, что было бы интересно сообщить. Без Вар(вары) Ф(едоровны) он гораздо лучше и нет никакого раздражения.

Завтра уговорюсь, чтобы мне не мешали, и сяду за рассказ. Напишу Аркадию (А. П. Зонову), чтобы сюда прислал мнение: печатать Иуду или нет. В Москве идет дождь и холодно, затопили печку. Ну, деточка, будь спокойна, теперь у меня на очереди рассказ, медалон и одежда. Завтра приступлю к исполнению. Тут в Петровск(ом) парке пробудут до 1 сентября.

АРемизов

4

20 авг(уста 1908) Петровск(ий) Парк.

Сейчас 8 ч(асов) утра. Второй раз встаю. Первый раз в 5^е: оделся, выпил чаю и лег. Сны снились, Бог знает какие. И странно сон за сном, как картины: сначала вырисовалась черная морда шерстяная с белыми длинными зубами, скрылась, и опять вижу, потом я наверху в Сыромятниках, Сергей показывает мне сушеные цветы и спрашивает: узнал. Я хочу ответить: цветы такие-то от пруда, но кто-то уже отвечает, и я не наверху, а в собачьей конуре и кричу благим матом, накричался — попал в комнату, на столе собран обед, я задремал и увидел во сне, что в дом вошли три жандарма, проснулся и хотел обедать, и в это время входят 3 жандарма. Я им говорю: я сейчас вас во сне видел. Какой-то в штатском горбатый садится против меня. Я хотел было его ударить и раздумал. Он говорит: ваши обвинительные пункты — вы переправляясь через реку, на плоту объясняли естественное происхождение родителей. — Я? —

— Да, какой-нибудь священник записал. — Не может быть, я не позитивист, — говорю ему, — а сам слышу, как нянька метет полы и прибирает. Думаю: что же это такое, сон это или действительно (сидит?) человек.

Я не могу припомнить всего, я вот считал, сколько снов было, и насчитал штук 12—15.

Жду, поскорее бы приехали Серг(ей) и Варв(ара) Федор(овна), и я выпил бы чаю. Без тебя, дитяточка, страшно. А ночью я просыпался, кто-то будто на террасе ходил: это поутру утки ходили, а я думал, уж не воры ли. Сейчас светлое утро, но дождь будет.

5

21 авг⟨уста 1908⟩ Петр⟨овский⟩ Парк.

Около 9^и утра. Встал в 8, вчера лег рано, 11^и не было.

Целый день прошел в разговорах. Успел только страницу написать. Но зато сегодня остаюсь на целый день с Ляляшкой и займусь. Пишу письмо, а Ляляшка все спрашивает, что пишу и может ли Наташа читать по писаному. Разговор вчерашний с В⟨арварой⟩ Ф⟨едоровной⟩ о московских знакомых: о Бурнакине и К°, все-таки в Петербурге таких экземпляров не водится. С Сергеем говорил об одежде: мне придется пройти к Николаю на дачу, живут тоже в Петровск⟨ом⟩ Парке. Он думает, что это осуществимо. И я решил идти. Начинаю привыкать к осени.

Николай купил дом за 75 000. Напишу ему прошение. Жду письма от Аркадия. Все-таки думаю пройти к Немировичу-Данченко и показать Иуду. Относительно долга: стало быть у нас лежит 25 р⟨ублей⟩. Сергей должен мне 25 р⟨ублей⟩, не знаю, едва ли сейчас отдаст. Ляляшка не перестает крутиться: всё спрашивает, выучилась читать и читает «Светлячка». Как-то ты, деточка, в жаре живешь. На Черном море вспоминала ли?

Пишу на своей бумаге: тут не водится.

АРемизов

6

⟨с⟩ 21 на 22 августа 1908 года

Кратко пишу тебе, детонька, сейчас первый час и спать время, а то встаю все в восемь часов. Написал (отдельно) первые две части, завтра начну Бегство в Америку. Написал еще прошение Николаю ⟨Н. М. Ремизову⟩, передаст Сергей, писал долго, — очень трудно писать прошения. Заказываю — это будет бесплатно через Сергея — перепечатать на машине Иуду, которого попробую показать тут. От Лундберга получил письмо, пишет, что получена от Бурлюка телеграмма, что тебя встретят. Дела сегодня прошли в писании: В⟨арвара⟩ Ф⟨едоровна⟩ возвратилась к 5^и часам. После чая приходили два офицера с Н. Ф., ее муж и его приятель, просидели немного, переезжают, тоже жили в Петровском Парке. Да, как-то теперь я просто руками развожу ⟨часть текста заклеена. — Е. О.⟩.

Большой причины не знаю. Не ешь много фруктов, а больше всего вареные яйца — это погибель, и теперь я очень раскаиваюсь, что взял на дорогу, лучше бы было ничего не брать.

Что-то Данила как, скоро приедет. Буду изворачиваться, чтобы достать денег.

АРемизов

Сергей сегодня из Биржи бумаги принес, завтра карандашей принесет.

7

⟨с⟩ 22 августа на 23 ав⟨густа⟩ 1908.

2-ой час ночи. Просидел целый день и к обеду кончил. Сейчас переписываю: переписал две части, завтра кончу и еще раз перепишу. Во вторник буду готовы «Иуда» переписанный на машине. В понедельник надо узнать все приемные часы. А то боюсь не успею пройти.

Дождь идет все время и холодно.

Разговаривал немного с В⟨арварой⟩ Ф⟨едоровной⟩ о делах их житейских. Трудно тут судить очень.

Думаю уже, как в Петербург поеду.

Не хочется мне с пустыми руками являться. Видел во сне сегодня Озаровскую — это, должно быть, к дождю.

По газетам узнал, Городецкий вышел из Весов.

План моих путешествий: в З(олотое) Р(уно), в Весы к Соколову, (в) Рус(скую) мысль.

Детонька, привези яблоков, хоть печеных поесть. Уж тут воздерживаюсь, сегодня раков ел.

Вот и все новости. Эх, догадался бы Николай мне денег дать. Не догадается.

А. Ремизов

Не заболей на Черном море.

8

(с) 23 на 24 августа 1908 г(ода).

Около 1 часу ночи.

Видел во сне Философова. Будто я вхожу в комнату и вижу, он сидит: усы у него — волос толстый — и густая бородка маленькая. Я говорю: Здравствуйте, Д(митрий) В(ладимирович). — А он смотрит на меня, не кланяется и ничего не отвечает. Почему-то какое-то неприятное чувство. И я думаю: расскажу тебе.

День прошел неудачно.

Я кончил переписку рассказа (называю «Царевна Мымра»). Перечитал, не нравится мне, завтра буду вчитываться и постараюсь исправить.

Поехал на квартиру Сергея за частью портфеля, и кстати, посмотреть таракомора, к(ото)рый обещал придти. — И не пришел. Получил от Аркадия письмо: придет он утром 28 авг(уста). Пишет, необходимо сделать дополнение к Иуде. Я не прочь, только я думаю поговорить с ним. Меня все это очень взволновало: исправления и написанный рассказ.

Так как сегодня Суббота, завтра Сергей не пойдет на Биржу. Разговаривали о московских «родственников». Нет, я бы в Москве никогда не стал бы жить, только инкогнито.

Нашел на карте «Новую Маячку».

Жду с нетерпением, когда получу телеграмму. Ляляшке передал твой красный подвесок, который дал Лундберг. Она очень довольна. Скоро ли рождение?

Чувствую, что надоело тебе. В понедельник 26(-го) хочу выйти на промысел.

А. Ремизов

9

с 24 авг(уста) на 25 авг(уста 1908).

Сегодня неделя как ты уехала. Претерпений за эту неделю много было. Я, детонька, думал одно время, что конец мне настал — это в вагоне. Как-то ты там. Письма от тебя ни одного не получил.

Сегодня видел во сне Берестовец и неприятное осталось на душе. Послезавтра Наташины именины.

Утром сегодня поправлял рассказ. После обеда поехал с Сергеем, В(арварой) Ф(едоровной), Ляляшкой и нянькой (Натальей зовут) в парк. Грешный человек — в первый раз. Холод, сейчас наверно мороз, в 10 ч(асов), когда затворяли дверь на террасу — было 6 градусов.

Вернувшись с прогулки, сел переписывать. Не знаю, может, благодаря паузе, переписывая, делаю добавления. Переписал первую часть, завтра кончу. Завтра В(арвара) Ф(едоровна) узнает в городе по телефону приемные часы.

Я хочу так: Иуду пообещать З(олотому) Р(уну), а Рус(ской) Мысл(и) рассказ. Из Русс(кой) М(ысли) попросить аванс. Конечно, Иуду по исправлению.

Вот, детяточка, мои планы. Хочется мне, чтобы по приезде корсет тебе купить.

½ 2ого ночи.

АРемизов

10

⟨с⟩ 25 на 26 авг⟨уста⟩ 1908.

2ой час.

Придется это письмо писать скорописью. Лампа догорела, свечки чуть-чуть. Твое письмо сегодня получил. Купайся, а то тут такой холод, пожалей. Меня беспокоит, как ты в своей летней кофточке поедешь. Закутайся в пла-ток.

Сегодня видел во сне З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского, будто я к ним пришел, и они со мной разговаривают: вид у них кроткий, как у агнцев. И вдруг является некто Помялов — такой со мной учился и подает им по коробке конфет. Я почему-то бегу, а за мной такой черный — Вонзблейн (тоже ученик), потом он меня перегнал. И столкнулись мы на площадке лестницы. И я вдруг сообразил: он сейчас столкнет вниз, а лестница высокая.

Сегодня переписал (отдельная снова и снова) 2, 3 и 4 часть рассказа. Сейчас начисто ½ 1ой.

11

⟨с⟩ 26 августа на 27⟨-е⟩ 1908.

Видел во сне Чехова. Будто иду я, а он идет с каким-то мальчиком. Я нагоняю его и кланяюсь. А он остановился и говорит: Я давно с вами хотел увидаться. А я говорю: А я давно с Вами здороваюсь-кланяюсь. Чехов живет в Москве в доме Грузинской церкви, церковь на горе, а его дом под горой в репейнике — такое пустое место есть. Потом еще видел каких-то насекомых, но каких не помню.

Утром встал, сел переписывать и переписывал до ½ 4ого дня, поехал к Грифу. Гриф рассказывал разные разности: о каком-то доме в Москве, где он хочет ночевать и где являет(ся) зарезанный старик, потом о московск(их) новостях, но все такое — писать нечего: из газет. Просидел у него так с ½ ч(аса), обещал завтра зайти обедать. Вернулся в Петровск(ий) Парк, тут Сергей уж собирает вещи. Завтра переезжает. Сказал, что Николай даст вещи: пальто и т. д. Пошел к Николаю на дачу: Николая и Варвары С(ергеевны Ремизовой) нет, одна Галя (Г. Н. Ремизова), показывала, а больше рассказывала об обезьяне.

Назначили мне 29⟨-го⟩. Пойду и наверно все заберу. Слава Богу, хоть одно дело сделаю. Пришел к Сергею, вымыл голову и стал переписывать 4⟨-ю⟩ часть и опять начал исправлять и теперь уж не знаю, как и быть. Придется в Петербурге еще переписывать.

Получил от Арк(адия) письмо. 28⟨-го⟩ будет и зайдет. Займусь теперь вставками к Иуде. Ну, а завтра самый мой трудный день: пойду в Рус(скую) Мысль и Зол(отое) Руно.

Немного потеплело. А ты-то наверно как жарисься. Детяточка, хочется тебе в Петербург?

А Ремизов

12

На пис(ьмо) от 22 VIII
27—28 августа 1908.

Пишу карандашом: нету чернил.

Видел во сне, будто плывем по реке, и река такая светлая и хорошо. Утром, как проснулся, укладывали вещи. Я свои свернул и поехал в Москву. Холод невыносимый был на даче. Хотел пройти в Худ(ожественный) Театр, но опоздал, пошел в Рус(скую) Мысль. Разговаривал с Айхенвальдом. «Суд Божий» пойдет в сентябре. Расчет — 200 руб(лей) за лист. Говорит, что в «Суде Бож(ьем)» 1 лист. Так что пришлют 100 руб(лей) по напечат(анию). Предложил «Царевну Мымру» (в ней больше листа), но сказал, что вышлю из Петербурга. Просил аванс, но не выдали. Надо, стало быть, послав расск(аз), попросить. И выдадут руб(лей) 100. К «Ремезу» и «Пчелам» просил еще несколько приложить таких же. Пошел еще в Худ(ожественный) Театр, но оказывается Немир(овича-)Данченко нельзя видеть. Завтра поговорю с Арк(адием) Павлов(ичем Зоновым). Пошел в «З(олотое) Р(уно)». Выслали 55 руб(лей), сказал мне Тастевен. Попросил аванс. Надобно видеть Рябушинского. Поехал к Рябушинскому. Дал он мне 40 руб(лей). Так что за кв(артиру) заплатим: у нас там лежит 25 да эти 40 = 65. 65 - 45 = 20 руб(лей), до рога руб(лей) 8. Останется 12 руб(лей).

Пошел от Ряб(ушинского) к Грифу (С. А. Соколову) обедать. Это было (в) 6 ч(асов), едва ноги передвигал: с утра ничего не ел. За обедом был Ив(ан) Ал(ексеевич) Новиков, Ходосевич (sic!) и Тимофеев. Расспрашивали и рассказывали. Ив(ан) Ал(ексеевич) кланяется, подарил мне игрушку. Вера Гавриловна (Ключишна) живет в Москве, «лепит».

Когда пришел к Сергею. Все уже было устроено, перетащились. Он передал твоё письмо (№ 2 заказное) и Лундберга (письмо Арк(адия) Пав(ловича) с его замечаниями). Странно, что до сих пор деточка не получала моих писем. Это девятое, каждый вечер, когда Сергей с В(арварой) Ф(едоровной) лягут спать, пишу тебе. При них письма не пишу, потому что все-таки они движутся. 1) Я тебе во вчерашн(ем) письме писал, что нет у меня худшего воспоминания, чем от этого Киева. Ей-Богу, если (бы) я там остался, то мне был бы конец — просто холера была бы. Просто наваждение — эта поездка. Очень утомлены были: надо бы(ло?) «играть» до нахальства, мне надо было бы сказать Дрилинг, что мы поедем в Египет, что Сергей живет в Милане в опере поет. Дурак я дурак. Детонька, просто ноги тогда подкашивались. Давай вперед будем так — ей-Богу, не спросят больше.

Детонька, а как же ты поедешь обратно насчет денег? Сообрази и напиши, если не поздно. Мой план такой: завтра, переговорив с Ар(кадием) Пав(ловичем), сесть за исправление Иуды.

Письмо Шалауровой, Арк(адий) Павл(ович) пишет, что оставил швейцару.

29(-го) пойду к Никол(аю) (получу одежду). 29(-го) же постараюсь к Викташе. 30(-го) к Мутгеру (М. А. Ремизовой) (возьму книги кой-какие, сахару, чаю и варенье, если дадут).

Рябушинский мне предложил тему: расскажу.

До свидания, дитяточка.

А. Ремизов.

13

с 28 августа ⟨на⟩ 29 ⟨августа 1908⟩.

№ 10

Поздравляю с Толстовским праздником!

Жаль, что мы не в Петербурге, только в Петербурге и разрешен, а тут тихо. Приехал Аркад⟨ий⟩. Проговорил с ним до усталости: сейчас сажу за исправлениями. Между прочим: тот монолог, который в твоей рукописи, он рекомендует вставить. Ты, деточка, его побереги. Трудно делать вставки: сажу и голову ломаю. Разобрали только 1 акт. Хочется мне за неск⟨олько⟩ дней начерно сделать и ему показать. Пошел его провожать и встретил Добужинского, он тоже приехал для постановки Франческо ⟨sic!⟩. Если бы удалась пьеса, все-таки дела пошли бы лучше. Думаю повидаться с Коммиссаржевской и Коммиссаржевским.

Завтра назначено у Никол⟨ая⟩, но он уезжает, и назна⟨ча⟩ет вторник (2 сент⟨ября⟩). Через Сергея узнал, что одежды и тебе и мне будут. Поеду завтра, по всей вероятности, с Серг⟨еем⟩ к Муттеру и к Виташе (насчет медальон⟨а⟩ никогда не забываю).

Ну, передал Арк⟨адию⟩ Пав⟨ловичу⟩ письмо от Раисы ⟨Шалауровой⟩ и матери.

Читать дико и как-то досадно. Никаких причин не объясняют. Я их ⟨sic!⟩ только сейчас прочитал, какое-то чувство было — вот не хочется читать. Сама увидишь. Ар⟨кадий⟩ Пав⟨лович⟩ нанял квартиру на Офицерской. Дина ⟨Д. И. Зонина⟩ под⟨ъ⟩едет числа 6—7 сентября через Москву.

Ар⟨кадия⟩ Пав⟨ловича⟩ замечания очень взволновали. Если бы ты была, я бы тебя спрашивал. А то сажу и головой покачиваю и сам с собой разговоры веду. Сейчас еще ½ первого н⟨очи⟩, но лягу спать. Завтра лучше.

Да, А⟨ркадий⟩ П⟨авлович⟩ поругался с Мейерхольдом. Жду от тебя известий. Есть кое-что рассказать — это касается мелочей родственных.

Не сердись, достаточно, что пишу кратко, ничего не происходит, чтобы сообщить стоило.

АРемизов

14

с 29 на 30 августа 1908

№ 11

Что видел во сне, не могу припомнить. С утра сел за исправление 1 акта. Очень трудно это делать. Так все-таки не добился заключительной фразы. Путешествовал с Сергеем к Виташе. Сейчас вернулись — 2 часа ночи, очень уж далеко живет. Был там Павлуша Рюкерт. Разговаривал и жаловался насчет медальона. Он все просил снять фотографию с твоего — я не говорю, что тот потерян. Я сказал, что это неудобно. Медальон будет готов в начале октября. Теперь у них работы мало. Будет стоить руб⟨лей⟩ 50. Я обещал деньги выслать.

15

с 30 на 31 августа ⟨1908⟩

№ 12

День провел за исправлениями. Ох, как трудно. Сидишь по часам — а результат фразы, которую зачеркнешь. Потом пришел Ар⟨кадий⟩ П⟨авлович⟩. Разбирали 2 ак⟨т⟩ и 3⟨-й⟩. Во 2ой думаю сделать сцену между Иудой и Марией. Завтра этим буду заниматься. Наверное, есть от тебя письмо, но и вчера, и сегодня, и завтра в Бирже нет занятий, и Сергей все время дома.

Ходили на открытие Коммиссаржевской. «Нора». Удивительное дело, ни одного знакомого. И театр полупустой. Уж очень хороша пьеса — там как-то стыдно становится писать самому.

Что-то, деточка, как у тебя там, когда же рождение? Завтра я набросаю сцену в(о) 2 ак(т) и в понедельник прочитаю Арк(адию). Во вторник заберу одежду. Очень мне интересно, что за пальто тебе будет.

Деточка, напиши мне, если ты думаешь пробыть дольше вообще, то я тебе пришлю «Царевну Мымру», ты ее исправишь и вернешь. Я получу аванс. На квартиру ничего не написал, подождут — контрак(т) подписан.

Сегодняшнего сна не запомнил.

АРемизов.

Р. С. Напиши, когда не посылать писем, а то может быть, там без тебя распечатают.

До свидания, детяточка.

16

с 31 (августа) на 1 сент(ября) 1908.

№ 13

Видел во сне, будто мы в Сольвычегодске. Потом ты села на извозчика одна и поехала, а нас осталось двое: я и Городецкий, мы почему-то уселись на козлы, но нам стало так тесно, что решили сесть, где седоки, в это время я вспомнил. Что оставил *карты*. Побежал куда-то под ворота и собираю их, а их уж очень много. А ждать некогда. Ехать приходится с высокой горы. Ты — свою, а Городецкий (за-черкнуто: мою нашу) и свою лошадь едва сдерживает. Я же все собираю карты и страшно боюсь, что останусь один. Потом, когда приехали, я встретил Брюсова. Говорю ему: В(алерий) Я(ковлевич), правда, Вы ведь любите, чтобы было беспокойство, а в глубине души покой. Он повторил мою фразу утвердительно. И я проснулся.

День прошел с пьянством, но все окончилось благополучно. Прибежал к платку и магземцевым (?) каплям. Во 2ой акт осталось написать трудную сцену Иуды с Марией, чем я и займусь завтра. Думаю, что завтра Сергей принесет от тебя мне письмо. И почему-то гадаю, что 5ого уеду в Петербург. Придет же время рождения. Приходил сегодня Н. П. Суворовский. Передавал музыку на слова Сологуба. Замечтался о пьянино. Хорошо бы нам взять. Как-то ты там, деточка, как-то ты живешь. Воображаю, как надоело. В Петербурге, пишут, холера.

Осторожнее ешь фрукты.

АРемизов.

В среду поеду к Муттеру. Хотел завтра, Сергей не может.

17

с 1 на 2 сент(ября) 1908.

№ 14

Сегодня я видел, будто мы где-то в лесу в доме Заливского. У меня зуб сломался. Потом мы очутились в церкви: посреди церкви лежат прямо на полу покойники. Я стал вглядываться и показываю тебе: один раскрывает глаза и шевелит рукой. И скоро мы увидели, должно быть, этот покойник встал и стоит около царских врат. Он голый, а ноги дегтем измазаны. По фигуре напоминает сомовский рисунок к книге Кузмина «Эме Лебеф».

18

с 2—3 (сентября) 1908.

№ 15

Сон какой-то видел. Но разбудили хождением. Вчера начал Летавицу.

Получил телеграмму, письмо отложил. Сегодня уехала В(арвара) Ф(едоровна) к отцу и матери — мать ее больна.

Был А(ркадий) П(авлович) Зон(ов). Ездили к Муттеру. Сейчас пришли и сажусь за Иуду. 4ого последнее совещание с А(ркадием) П(авловичем). Завтра к Николаю.

19

С 3 на 4 (сентября) 1908

Во сне видел какие-то сцены из Иуды.

Получил от Николая некоторые вещи.

Ходили в (театр) Коммис(саржевской) на Пелеаса, ч(то)б(ы) встретиться с Варв(арой) Серг(еевной). Или я так уж плохо вижу, или ее не было. Даром вчера прождал. Одно утешение: очень уж слова пьесы хороши.